

Серафим Шашков
Исторические судьбы женщин

Издательство «Кучково поле»

1872

УДК 94
ББК 63.3-28

Шашков С. С.

Исторические судьбы женщин / С. С. Шашков — Издательство
«Кучково поле», 1872

ISBN 978-5-9950-0596-4

Книга Серафима Серафимовича Шашкова (1841–1882), публициста, этнографа и историка, посвящена теме эмансипации женщин. На основании многочисленных источников автор делает исторический обзор вглубь веков, показывающий угнетенное состояние женщин со времен становления патриархального общества и до конца XIX века. Другие немаловажные проблемы, поднятые историком в сочинении, – это детоубийство и проституция, которые, по мнению Шашкова, являются печальными следствиями этого явления. Издание будет полезным для широкого круга читателей, в том числе интересующихся историей зарождения женского движения, а также зарождением русской социологии.

УДК 94
ББК 63.3-28

ISBN 978-5-9950-0596-4

© Шашков С. С., 1872
© Издательство «Кучково поле», 1872

Содержание

От редактора	6
Исторические судьбы женщин	8
Вступление	8
Глава I	10
Глава II	26
Глава III	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Серафим Шашков

Исторические судьбы женщин

© ООО «Кучково поле», 2016

* * *

От редактора

XIX век во многом является переломным этапом для общества как в Старом, так и в Новом Свете. Менялись условия жизни, появлялись и развивались новые политические течения, позволявшие пересматривать гендерные роли традиционного общества. Общественное сознание способствовало тому, что к этому времени в ведущих странах Западной Европы произошла заметная перемена взглядов на социальное назначение женщины. Во Франции, Англии, Германии, США активизировалась борьба за уравнение в правах женщин и мужчин.

Само начало борьбе женщин за свои права относится к временам Великой французской революции, но термин «эмансипация», равно как и формулирование основных идей этого движения, сформировалось только к началу XIX в. Россия также не осталась в стороне от женского движения. Во второй половине XIX в. из женской среды, особенно из числа дворянок, вышло немало решительных, отважных женщин, которые открыто рвали со своим окружением, семьей, традиционным укладом, отрицали необходимость брака, семьи, активно участвовали в общественной, научной и революционной деятельности. Слом старых пониманий о предназначении женщины не мог не привлечь внимание современников, незаслуженно забытых к сегодняшнему времени. Речь идет о Серафиме Шашкове – русском историке и социологе, ключевые труды которого, посвященные «женскому» вопросу, представлены в настоящем издании.

Серафим Серафимович Шашков родился 17 ноября 1841 г. в Иркутске в семье священника. Уже сама обстановка его детства наложила отпечаток на мировоззрение будущего историка – несмотря на то, что мать принадлежала к знаменитому купеческому роду Сибиряковых, семья жила обстановке постоянной нужды из-за пристрастия отца к алкоголю. «В это время Шашков уже научился мучиться за людей и протестовать против грубости и насилия»¹, – рассказывал о товарище сибирский публицист, писатель и общественный деятель Н. М. Ядринцев. В девять лет Шашков поступил в духовное училище, затем в Иркутскую духовную семинарию, где одним из его учителей стал М. В. Загоскин, познакомивший юношу с «Современником» и «Колоколом», с книгами Радищева и Некрасова. Всего через восемь лет в местных газетах начинают появляться первые этнографические статьи Шашкова, посвященные этнографии бурят.

Параллельно с изучением быта сибирских народов, занимавших историка в первой половине его жизни – до середины 1860-х гг. – Шашкова начали волновать вопросы социального неравенства. Так, в 1861 г., всего через год после начала учебы, его исключили из Казанской духовной семинарии за участие в панихиде по убитым крестьянам с. Бездна. После исключения Серафим Шашков переехал в Санкт-Петербург для учебы в университете, где участвовал в собраниях «сибирского кружка», во главе которого стояли Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин, опубликовал ряд работ по этнографии Сибири в различных изданиях, однако позднее оставил учебу из-за тяжелого материального положения.

В 1864 г. Шашков по предложению Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина прочел в Томске пять публичных лекций по истории Сибири, пронизанных ненавистью к колонизаторской политике царизма. Сибирь рассматривалась лектором как колонизируемая окраина России с преобладанием в экономике региона крепостнических порядков. Лекции вызвали эффект разорвавшейся бомбы – в одном из полицейских донесений о лекторской деятельности историка сообщалось: «В числе слушателей много нашлось лиц, в особенности из низшего класса, одушевленных речью Шашкова, которые восторг свой и выразили ему сильными аплодисментами... Нельзя не пожалеть, что ему позволили заявить публике такие вредные тенденции».

¹ Ядринцев Н. М. Серафим Серафимович Шашков // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 144.

Неудивительно, что через год, в 1865 г., Серафима Шашкова привлекли по делу о «сибирском сепаратизме» и приговорили к ссылке на север, в г. Шенкурск Архангельской губернии. Именно там историк отходит от областнических идей и обращается к историко-социологическому анализу давно волновавших его социальных проблем, что нашло отражение в работах данного периода – «Русские реакции», «Движение русской общественной мысли в начале XIX века», «Главные эпохи в истории русской женщины» и мн. др.

Особый интерес Шашкова занимает «женский вопрос», исследованный в труде «Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция» (1871). Первое издание этой книги (как и многочисленные публикации в «Отечественных записках», журнале «Дело» и мн. др.) вышло в свет в то время, когда эмансипация женщин была одной из самых животрепещущих и широко обсуждаемых в России. Шашков пытается проследить положение женщины (в различные исторические эпохи) и процесс эмансипации к его истокам – временам становления государственности. Положение женщины и семьи автор анализирует в связи с формами собственности, религией, культурой, главенствовавшими в тот или иной исторический период – первобытное время, античность, Средние века, Ренессанс и т. д.

Не будучи единственным исследователем данной темы, Шашков, однако, по-новому смотрит на первопричины женской эмансипации. Он показывает, что эмансипация женщины имеет свои корни в глубине веков и история борьбы женщины с патриархальным гнетом проходит через всю историю человечества и тесно связана с историей семьи, государства и народа. Начиная с первобытных времен, процесс эмансипации женщин неизбежно шел и набирал обороты, и потому «женский вопрос» – не просто современное Шашкову движение – это лишь следствие исторических предпосылок, а не новейший феномен².

Другие проблемы, которым «историк женских судеб» Шашков посвятил отдельные страницы своего исследования – это проституция и детоубийство, вытекающие из бедности и угнетенного положения женщин. Историк делает однозначный вывод: задерживать дело женского освобождения из-под патриархального гнета – значит губить и развращать нравственность народа, разрушать семейство, совращать женщин на путь лжи, порока и преступления. Особенно интересны взгляды социолога на детоубийство в сравнении со взглядами сегодняшних сторонников феминизма. Для Шашкова «плодоизгнание» – суть несомненное (хотя и присущее бедноте) зло, в то время как сегодня оно трактуется как неотъемлемое право эмансипированной женщины.

Настоящая книга является переизданием именно этого знаменитого труда. При подготовке книги мы постарались максимально сохранить оригинальную стилистику, внося необходимые изменения в устаревшее написание некоторых имен собственных и географических объектов.

² Зайнутдинов А. Э. Социологические взгляды С. С. Шашкова // Петербургская социология сегодня – 2013: Сборник научных трудов Социологического института РАН. Вып. 5. СПб., 2014. С. 237.

Исторические судьбы женщин

Вступление

Покойный Михайлов в своей превосходной статье о женщинах обещал со временем подробно обработать историю женского элемента в человечестве. Судьба не позволила ему выполнить этой прекрасной задачи, отчего, конечно, русская публика очень много потеряла. Не только в русской, но даже в заграничной литературе до сих пор нет хорошего опыта по истории женщин, и благодаря этому распространено мнение, что женская эмансипация есть молодое растение, появившееся только в позднейшее время, что во все предыдущие века женщина была несчастной, безличной, бесправной рабыней, что ни она сама, ни ее владыки не думали тогда об улучшении ее судьбы, о ее свободе, о признании за ней прав человека. Если бы это было совершенно справедливо, то притязания современной женщины и доводы ее защитников потеряли бы значительную долю своей силы. Женщина оказалась бы существом вроде прирученного домашнего животного, которое, раз потеряв свободу и сделавшись собственностью человека, лишилось всякого сознания своей прежней воли. Если бы такие мнения были верны, то хотя женщины и могли бы, во имя справедливости, во имя всеобщего блага, требовать улучшения своей участи, но их противники имели бы в истории основание для доказательства их естественной ограниченности, слабости, неспособности к самостоятельной жизни. К счастью, это не так. Через всю историю человечества идет борьба женщины с мужчиной, борьба за свободу или преобладание, и есть много фактов, доказывающих, что победа не всегда доставалась мужчине; даже при настоящей неразработанности истории женщин, исследователь видит ясные следы таких первобытных порядков, при которых в жизни царили материнское право и гинейкократия, но грубая физическая сила разрушила такие порядки. Ошибка людей, держащихся мнения о новейшем происхождении эмансипации, заключается, главнейшим образом, в том, что они дают понятию эмансипация чересчур узкие границы и, определяя его в смысл современных эмансипационных доктрин, забывают о тех ужасных положениях, от которых женщина избавилась уже навсегда, освобождаясь от них с упорной настойчивостью в продолжение тысячелетий. Кроме того, видя эмансипацию только в одной новейшей форме ее, они говорят лишь об одних известных средствах, употребляемых ныне лучшими людьми женского общества для достижения своей цели, игнорируя или не понимая те полные глубокого смысла социальные феномены, которые служат для семьи и женщины чем-то вроде осадной артиллерии, разбивающей своими гибельными ядрами крепкие стены патриархального семейства. В истории женщины, как вообще в истории социальной жизни, некоторые ступени прогресса состоят не в создании нового, а в порче старого. На это историки женщин обыкновенно обращают мало внимания и, горько сетуя о развращенности некоторых эпох и разложении семейства, не указывают ни на истинные причины этих феноменов, ни на их значение в деле самоосвобождения женщины. Далее многие авторы, излагая истории женщин, не касаются истории семейства, а женщина и семья – это такие же исторически родственные понятия, как гражданин и государство, солдат и войско, священник и церковь. Эмансипация женщин тесно связана с реформой семейного института; патриархальное семейство владеет женщиной, как монополист, и первые звуки песни освобождения доносятся до нее только с публичного форума. Чем патриархальнее семейство, чем более семейный характер лежит на всей общественной жизни, тем менее может женщина ожидать от общества и государства улучшения своей судьбы. Только там, где семейные принципы не совершенно овладели социальными учреждениями, где общество и государство основаны не на одних семейных, а также и на политических началах, только

там возможно существенное улучшение семейного быта и женской судьбы. Таким образом, история женской эмансипации тесно связана с историей семейства, государства и народа.

Доказать, что женщина идет вперед также давно, как и мужчина, что женское дело стоит на прочном историческом основании, выяснить значение семейства и женщины в истории цивилизации, обозначить ту цель, к которой стремятся они в своем прогрессивном развитии, укоренить веру женщины в свои силы и в успех своего дела, – вот задача, которая для достойного своего выполнения ждет первостепенного исторического таланта, соединенного с громадной эрудицией. Это предмет еще совершенно непечатый. Многочисленные авторы, сочинения которых поименованы нами выше, занимаются или исключительно изложением разнообразных исторических материалов, как, например, Клемм, Мэри Чайльд, Шерр, Бернар, Гризингер, Гонкур, Райт и другие, или же подгоняют материалы под свои изношенные и рутинные теории, как, например, Риль, Россбах, Уигер и пр. Все эти авторы более или менее враждебны женской эмансипации, и поэтому напрасно будете вы искать у них ясных взглядов на историю женщин. Партизаны же эмансипации под влиянием благородного энтузиазма партии обыкновенно отдаются другому увлечению, видят в истории только мартирологию женщин и, обращая исключительное внимание на великость женских страданий, вовсе упускают из вида ту борьбу, которую постоянно вела женщина за свою свободу, и те победы, которые уже одержала она. Наши настоящие очерки есть опыт исторического обозрения этой борьбы и этих побед.

Глава I

Первобытный брак. Борьба женщин за независимость. Полиандрия и общность женщин. Материнство и гинейкократия

На низшей ступени общественного развития человек не имеет еще исключительной собственности; ведя кочевую жизнь, не заботясь о будущем, он только временно пользуется предметами, необходимыми для него. Между владельцем и обладаемой вещью нет прочной связи. Точно такой же характер носят и половые отношения людей. Женщина не принадлежит исключительно ни одному мужчине; она ни жена, ни наложница, а просто самка, и любовные отношения к ней мужчин ограничиваются только одним половым актом. Так живут до сих пор некоторые папуасы в северной Австралии. «Здесь, – рассказывает Фоку в своей «Histoire de travail», – можно встретить общества женщин, живущие совершенно особо от мужских обществ. Весной половой инстинкт пробуждается и самцы начинают гоняться за самками; детей, рожденных от таких скоротечных связей, матери выкармливают грудью и затем, если они не принадлежат к женскому полу, выпроваживают их из своего общества». У многих народов сохранились предания о первобытной жизни без брака и без собственности; так жили, например, по греческим известиям, троглодиты. Боги вывели людей из этого полуживотного состояния; по сказаниям японцев, египтян, перуанцев и многих других народов, одновременно с учреждением брака, боги ввели между ними и собственность. В Китае, например, Фоги, научивший людей строить жилища, в то же время учредил между ними и браки. В Перу, говорит легенда, люди сначала вовсе не имели правильных жилищ, а жили в пещерах, ямах, на деревьях; брак был совершенно неизвестен им. Но вот сходят на Землю дети Солнца и учат людей жить в браке, строить дома, обрабатывать землю и пользоваться плодами ее. Может быть, и случалось, что выходцы какого-нибудь цивилизованного народа, которых предание превратило впоследствии в богов, выводили совершенно диких людей из состояния первобытного индивидуализма и приучали их жить в семейственном союзе. Но такие случаи были исключениями, и все заставляет нас предполагать, что первобытный брак возник везде путем борьбы, войны и рабства, вследствие насильного обращения женщины в неволю. Первобытные жены были военнопленными рабынями. А так как обращение в неволю врагов начинается лишь тогда, когда дикарь, выйдя уже из совершенно животного состояния, почувствует нужду в работнике и помощнике для успешного ведения своего первобытного хозяйства, то упомянутые нами древние легенды совершенно справедливо относят к одному и тому же времени возникновение брака и собственности. Первичная, известная нам форма социальной жизни есть самостоятельность изолированных друг от друга семейств, на которые распадается племя. Так жили, например, циклопы; «у них нет, – говорит “Одиссея”, – ни народных собраний, ни судебных приговоров, а каждый творит суд и расправу над своими женами и своими детьми, и они совершенно не подчинены одни другим». И до сих пор еще некоторые народы ведут такую жизнь, например, австралийцы и эскимосы крайнего севера. Племя эскимосов рассыпано по своим снежным пустыням совершенно отдельными семействами; «между ними, – говорит новейший путешественник капитан Голль, – нет никакой иерархии, никакой зависимости. Каждый юноша, чувствующий в себе довольно силы и ловкости для самостоятельной жизни, обзаводится женой, выходит из своего семейства и начинает совершенно ни от кого не зависимое существование».

И дальность расстояний, разделяющих эти семейства одно от другого, и физические препятствия для сообщений, и постоянная взаимная вражда этих семейств обыкновенно держат их в полной изолированности друг от друга. Взрослому неженатому мужчине трудно, часто даже невозможно достать себе женщину из чужой семьи, и он естественно старается удовлетворить свой половой инстинкт посредством сестры или другой родственницы, живущей с ним

в одном шалаше. Исторические памятники и известия путешественников о современных дикарях, несомненно, свидетельствуют, что на заре народной истории такие кровосмесительные связи в большом ходу и часто удерживаются национальными обычаями, даже в то время, когда всякая необходимость в них исчезает. Древние ассирийцы и персы женились даже на родных матерях, а египтяне на сестрах. Еврейские хроники рассказывают не только о первобытных браках между братьями и сестрами, но также о связях отцов с дочерьми. В сагах перуанцев, египтян, греков и многих других народов первобытный брак часто является в форме упомянутого нами кровосмешения. У многих современных дикарей кровосмесительные связи не только братьев с сестрами, но даже отцов с дочерьми далеко не редки. Довольно хорошо выясняет причины происхождения этого брака камчадалская мифология. Земля была еще необитаема, когда в Камчатку спустился с неба бог Кутху со своей сестрой-женой. Вскоре у них родились сын и дочь, которые, по примеру родителей, вступили между собой в супружество. Кутху, сын его и их жены носили платье, сшитое из древесных листьев, питались сначала только березовой и таловой корой, пока не изобрели лодок и рыболовных сетей, сплетенных из крапивы. Наконец Кутху исчез из Камчатки; его дети продолжали размножаться, и за неимением в стране женщин братья долго еще женились на своих сестрах. У островитян Южного океана до сих пор случается, что ребенок имеет в одном и том же лице мать и бабушку или мать и тетку. В одной из индустанских каст братья женятся обыкновенно на сестрах, а дяди на племянницах. Но у культурных народов такие кровосмесительные браки и связи продолжают существовать только в виде исключений и удерживаются почти одними владетельными лицами, которые, опасаясь осквернения своей якобы божественной природы телом обыкновенной женщины, вступают в брак со своими сестрами или другими родственницами, имеющими также притязание на священность своей крови. Этого обычая держатся, например, калмыцкие князья, почему в народе и существует поговорка, что «князья и собаки вовсе не знают родства». Каики Новой Англии и перуанские императоры, эти божественные сыновья Солнца, не могли вступать в брак ни с кем, кроме своих сестер, и это делалось исключительно для поддержания чистоты их священной крови, для того чтобы государь и по мужскому и по женскому колену был божественного происхождения.

Путем таких кровосмесительных браков семейство разрастается в род и племя, и тогда браки начинают заключаться между членами не одной и той же семьи, а разных семей одного племени. Известная враждебность диких народов друг к другу и основанное на ней междуплеменное взаимное презрение развивают у многих племен обычай эндогамии, запрещающий браки с людьми чужих племен. Мы предполагаем, что эндогамия стоит в тесной связи с упомянутыми кровосмесительными браками и естественно выродилась из них при размножении племени и при распадении его на отдельные семейства, что дозволило жениться и выходить замуж за членов чужой семьи, а не своей собственной. Впрочем происхождение эндогамии и противоположного ей обычая экзогамии, повелевающего жениться непременно на женщине чужого рода или племени, – происхождение этих обычаев и их историческая преемственность почти не исследованы. Скажем только словами лучшего из авторов, касавшихся этого предмета, Мак Леннэна, что, по всей вероятности, первобытные народы сначала вовсе не держались исключительно ни эндогамических, ни экзогамических правил, а после этого безразличного состояния одни пошли к эндогамии, другие к экзогамии. Из числа первых, некоторые, вероятно, перешли к эндогамии от упомянутых кровосмесительных браков между домочадцами, после того, как осознали их вредность для потомства и нашли возможным, запретив их, не оскверняться союзами с чужестранцами, а брачиться с единоплеменниками, только не с близкими родственниками. Тейлор предполагает, что падению семейной эндогамии содействовал, главным образом, простой опыт тех зол, какие могут произойти от брака между близкими родственниками. Этого взгляда держится и компетентный знаток первобытных народов профессор Лазарус, справедливо замечая при этом, что «наблюдения и рассуждения диких бывают

часто весьма точны в практических вещах». Запрещение брака между родственниками входит, наконец, в такую силу, что у некоторых народов, например у манджуров, китайцев, индусов, мужчине нельзя жениться на девушке, носящей одно с ним фамильное прозвище. Запрещение это распространяется и на все виды фиктивного родства; в Древнем Риме усыновление, а у мусульман молочное родство такие же препятствия к браку, как и кровное родство. Два члена какого-нибудь черкесского братства, хотя бы нельзя было доискаться между ними никакого родства, не могут брачиться между собой. У диких тупинамбасов Бразилии двум мужчинам, уговорившимся называть друг друга братьями, запрещается жениться на дочерях или сестрах друг друга. У кондов нельзя вступать в брак даже с иностранцами, усыновленными племенем одного из супругов или живущими среди его. Нарушение этих экзогамических правил наказывается чрезвычайно строго; конды казнят виновных смертью, а баттасы рубят их живыми и едят их мясо, изжаренное или сырое, с солью и с красным перцем. Эти запрещения единоплеменных браков существуют у множества народов: у черкесов, калмыков, ногайцев, киргизов, индейцев, остяков, самоедов, австралийцев, африканцев и т. д. Кроме упомянутых уже нами обстоятельств этому содействует численная недостаточность женщин, замечаемая у всех первобытных народов и являющаяся, главным образом, вследствие чрезвычайно распространенного по всему земному шару обычая убивать девочек. Многие народы умерщвляют большую часть их тотчас после рождения, чтобы не тратиться на убыточное прокормление их до зрелого возраста. Такое детоубийство у некоторых племен Индустана доходит до того, что в иных общинах не найдется и одного ребенка женского пола. По всей Азии, Африке, Америке, Австралии также щедро льется детская кровь и бедность заставляет истреблять массы новорожденных девочек, тратиться на воспитание которых дикарю не расчет, так как женщина, потребляя почти столько же, сколько мужчина, не может равняться с ним в делах войны и охоты – этих главных занятиях дикой жизни, а неразвитость торговли женщинами препятствует окупать издержки прокормления девушки ее продажей в замужество. Экономический расчет и сила нужды в этом отношении доходит до того, что у бошисманов матери убивают своих детей для того, чтобы кормить своей грудью щенят, которых они воспитывают и дрессируют для ловли двуутробок и кенгуру. Не меньшее число девочек истребляется вследствие разных суеверий и из желания родителей угодить кровожадным божествам, покормив их мясом своих зарезанных детей. В древних Финикии, Карфагене, Египте, Палестине, Греции, Аравии, у современных индусов, индейцев, австралийцев, китайцев, японцев, африканцев, – словом, почти у всех диких и малоцивилизованных народов мы видим такое жертвенное истребление девочек в самых громадных размерах и по самым разнообразным побуждениям. Сам способ ведения первобытной войны часто лишает известные племена всех женщин, уводимых в плен победителями. Многие дикари, видя неминуемость победы врагов своих и не желая, чтобы их семейства были захвачены в плен, перерезывают своих жен и детей и с отвагой отчаяния идут на смертный бой с неприятелем; так делали, например, камчадалы во время своей борьбы с русскими в XVIII веке. Независимо от всех подобных истреблений, женщины дикарей, задавленные тяжелыми трудами, истощаемые общими с мужчинами лишениями и особенными, свойственными только их полу, болезнями, умирают чаще и раньше мужчин. Это подтверждается множеством наблюдений над первобытными племенами всех частей света. Драгоценные указания в этом отношении мы имеем о сибирских инородцах, чуть ли не единственных дикарях в мире, подлежащих ведению статистики. В Березовском округе, например, с 1816 по 1828 год мужское инородческое население *увеличилось* (Здесь и далее курсив авт. – *Примеч. ред.*) на 260 человек, а женское *уменьшилось* на 1609. Благодаря такой слабой устойчивости женщин против нападений смерти, их всегда было мало сравнительно с числом мужчин, хотя сибирские инородцы и не ведут истребительных войн и редко убивают девушек. В Томском округе на 100 инородцев приходится женщин 84,4, а по местам только 63,6; в Бийском округе – 83,3, а кое-где 60,1; в Березовском округе в некоторых местах максимум 95,7, в других местностях мини-

мум 72,4, и т. д. У других дикарей количество женщин должно быть еще меньше, так как, независимо от смертности, оно убывает еще от детоубийств, умыкания и продажи девушек. При родовой вражде, при недостаточности своих женщин и при отвращении от кровосмесительных браков мужчины естественно принимаются за насильственный захват или умыкание женщин из других племен. Эта первобытная форма брака – умыкание девиц – долго продолжает существовать даже и после того, как народ, перестав жить отдельными семействами, образует из себя многочисленные роды, даже государства. Племенная враждебность препятствует заключению мирных браков с женщинами чужого племени, а своих женщин или недостаточно, или жениться на них мешает обычай. Умыкание на низшей ступени развития так всеобщее и служит таким единственным основанием прав мужа, что даже после исчезновения его из жизни символическая форма все-таки продолжает существовать как необходимое условие для законности брака. Почти у всех народов сохранились воспоминания об этой первобытной форме брака и указания на нее в сагах, песнях и брачных обрядах, изображающих нападение жениха на невесту, сопротивление последней и насильственный увоз ее; на основании этих несомненных свидетельств мы имеем полное основание заключить, что брак совершали в древности исключительно посредством умыкания у всех инородцев Сибири, у негров, арабов, горцев Кавказа, дикарей Полинезии, индусов, кондов, туземцев Америки, негров, тунгусов, арабов, камчадалов, татар, монголов, финнов, греков, римлян, поляков, литовцев, прусов, германцев, малайцев, киргизов, ногаев, евреев, сирийцев, жителей Франции, Англии и т. д. О существовании этого обычая у славян есть положительные свидетельства Нестора и Козьмы Пражского. То же самое говорит о скандинавах Олай Великий, а брат его Иоанн приводит много примеров, доказывающих, что этим промыслом нередко занимались члены фамилий, царствовавших в Дании и Швеции. Подданные подражали им, и похищение невест долго существовало там даже после введения христианства. Свадебные свиты состояли обыкновенно из вооруженных людей, и бракосочетания совершались в церквах преимущественно по ночам – для большей безопасности. В одной старинной готландской церкви хранится до сих пор пук, составленный из пик, в которые втыкались факелы. Оружие это служило и для освещения, и для защиты. Насильственное приобретение жен не вывелось и до сих пор в Азии, Америке, Новой Зеландии, на островах Тихого океана и во многих других странах. Этот обычай так укоренился в жизни карибов, что, по словам Гумбольдта, там нельзя найти замужней женщины, умеющей говорить на языке того племени, посреди которого она живет. Бесперывные войны карибов доставляют им много пленников, из которых мужчины приготавливаются в пищу, а женщины – для супружеского дела и работы. В Австралии жених ночью вторгается в хижину, где спит его возлюбленная, колотит ее родителей и, оглушив невесту ударом дубины, с торжеством уносит ее в свой табор. То же самое и в Новой Зеландии. Некоторые дикари умыкают даже цивилизованных женщин. Патагонцы, например, живущие исключительно охотой и грабежами, при своих набегах на Аргентинскую республику похищают не только скот и съестные припасы, но также и женщин. Из северных штатов Мехико не менее 600 женщин и детей ежегодно похищаются куманчами, апачами и другими разбойничьими племенами.

Понятно, что такое вооруженное сватовство не может обойтись без борьбы и сопротивления, как со стороны самой невесты, так и со стороны ее семейства. Умыкаемой девушке приходится идти буквально в рабство к чужому и враждебному племени, и вот основание тех невестиных причитаний и плачей, которые, сохранившись до последнего времени в свадебных обрядах некоторых народов, живо рисуют перед нами душевные волнения и тревогу невесты первобытной эпохи. И не одна только боязнь «чужого рода-племени» мучила невесту, а часто также и разорение своего дома, истребление или полон своего семейства, которыми сплошь и рядом сопровождалось умыкание. В одной русской песне, например, невесте не советуется сидеть под окном, потому что:

Быть саду да полоненному,
Всему роду да покоренному.

В другой песне невеста поет, что:

Завтра чем-свет
Приедут ко батюшке
С боем да со грабежом,
Что ограбят же батюшку,
Да полонят мою матушку,
Повезут меня молоду
На чужую да на сторонушку!

В третьей песне невеста просит спрятать ее «от лихого наездника», то есть жениха, и в некоторых местах до сих пор сохранился обряд этого прятанья.

Обрядовое сопротивление невесты жениху, как памятник первобытной борьбы с ним, до сих пор удерживается лапландцами, черкесами и многими другими народами. У гренландцев, например, невеста с воплями и с распущенной косой убегает из дома в пустыню; долго ищут ее здесь агенты жениха и, наконец, насильно увлекают в его дом. По всей вероятности, все эти обряды остались от того времени, когда борьба первобытной женщины за свою свободу приходила уже к концу и решалась в пользу мужчины. Несомненно, что в глубокой древности, когда женщина была почти также сильна и воинственна, как и мужчина, борьба невесты против нападающего на нее жениха нередко кончалась победением последнего. Женщины Нибелунгов так самостоятельны, воинственны и сильны, что самые знаменитые богатыри принуждены употреблять невероятные усилия, чтобы сделаться их мужьями или любовниками. Зигфрид сватается и долго ухаживает за прекрасной королевой Брунгильдой; он разбивает 70 ворот в ее замке, но гордая королева не сдается и прогоняет героя. Одному поклоннику, добивавшемуся ее руки, Брунгильда предложила поединок с условием, если он победит, то будет ей мужем, если будет побежден, то лишится головы, – последнее и случилось. Такое же условие было предложено и ее жениху Гунтеру; но на этот раз она была побеждена Гунтером с помощью Зигфрида, наносившего ей тяжкие удары из-под своего плаща-невидимки. Тотчас же по выходе замуж Брунгильда вступила с Гунтером в бой, связала его по рукам и по ногам и, повесив на целую ночь под самым потолком, преспокойно легла спать на роскошной постели. В легендах других народов мы также находим воспоминания о подобных Брунгильде женщинах, которые могли постоять за себя и отбиться от рабского брака. Есть также указания и на то, что иногда не жених с помощью своих сподвижников умыкал невесту, а, наоборот, невеста ловила или умыкала жениха. Так, в русской былине Добрыня Никитич встречает в поле всадницу, «паленицу, женщину великую» и хочет вступить с ней в бой. Но она схватила Добрынюшку за кудри, посадила его во глубок карман и повезла к себе домой, объявив, что если он «в любовь ей придет», то она выйдет за него замуж. И, действительно, заставила пленного богатыря жениться на себе. Боплан, оставивший описание Малороссии в половине XVII века, говорит, что здесь наперекор всем народам не мужчины сватаются за девиц, а девицы за мужчин. Вместе с тем в число свадебных обрядов до сих пор входит здесь ловля жениха. В то время как жених с боярами едет мимо дома невесты, родные последней выходят на улицу с палками и стараются загнать его на двор к невесте. Жених ускакивает от них с боярами до трех раз, потом его ловят и ведут в дом, в сенях которого встречает его невеста. И если церемония насильного увоза невесты несомненно доказывает ее умыкание в древности, то обряд ловли жениха точно так же убеждает нас в том, что в первобытной жизни женщины не всегда насильно вступали в брак, а иногда сами искали себе подходящего жениха и умыкали его с помощью своих родных, кото-

рые, принимая его в свое семейство, получали в нем нового члена и работника. Подобно тому, как одни племена делали походы и набеги для приобретения себе жен, другие такими же точно средствами добывали мужей для своих девушек. И в древних сагах и в известиях о современных дикарях мы читаем, что нередко известное племя принимает в свой состав захваченных им на войне пленников и женит их на своих дочерях. Первобытному семейству, вырастившему девушку, конечно, выгоднее было принимать ее будущего мужа в свой дом, чем отдавать ее в чужие руки: семья нуждалась в мужчинах для приплода и для работы. А что принятие в дом зятя нисколько не противоречит принципам и характеру первобытной жизни, доказывается тем обстоятельством, что у многих народов после превращения умыкания невесты в покупку ее жених часто поступает в работники к своему будущему тестю, зарабатывает себе невесту и, вступив в брак с ней, делается членом ее семьи.

Умыкание девиц, сопровождаемое обыкновенно опустошениями войны, вредило не только интересам невест, но также и интересам их семей или родов. Род, лишившийся женщин вследствие набега неприятелей, естественно должен был мстить последним и вознаграждать себя на их счет за свои потери. Похищение девиц – самая главная причина той племенной вражды и тех опустошительных войн, которыми ознаменована первобытная история всех народов. В этой первобытной борьбе лучшим защитником и союзником девушки является ее брат. В русских свадебных песнях и обрядах, например, жених или борется с братом невесты или подкупает его. Нам кажется, что эта древняя привязанность брата к сестре не может быть объяснена одними родственными чувствами или хозяйственными расчетами, а имеет тесную связь с теми кровосмесительными браками, о которых мы уже говорили и которые, несомненно, были в обычае во времена глубокой древности. Брат терял в сестре не только свою родственницу и семейную соработницу, но и жену. И, вероятно, сначала, когда ход общественных событий начал более и более разрушать семейные кровосмесительные браки, брат хотя и вынуждался уступать жениху, но делал эти уступки не даром. У австралийцев жених часто выменивает себе невесту, отдавая вместо нее свою сестру или другую родственницу. У некоторых народов, например у задунайских славян, до сих пор сохранился свадебный обычай, указывающий на существование у них в древности семейного права первой ночи: брат или другой родственник невесты пользовался этим правом прежде отдачи ее жениху. У других народов, например у молува в Африке, это продолжается до сих пор.

Таким образом, история брачного права начинается у всех народов насилием умыкания. Однако ж умыкание не всегда ведет за собой брачный союз. Дикарь, стоящий по развитию немногим выше животного, нередко завладевает женщиной только ради кратковременного наслаждения ей. Дюмон-Дюрвиль рассказывает, что если дикарю приглянулась какая-нибудь женщина, то он, выбрав удобную минуту, насильно овладевает ею и ведет к себе. Если она сопротивляется, он бьет ее по лицу, по голове, по чему попало, окровавленную, через леса, овраги, болота тащит ее в свой шалаш, а потом бросает ее, как негодную вещь. Такая дикая роскошь, конечно, не всегда возможна при малочисленности женщин, которых, сравнительно с числом мужчин, всегда недостаточно в диких обществах, как эндогамических, так и экзогамических. И чем первобытнее народ, тем меньше он может достать женщин. Вследствие этого, одна женщина должна удовлетворять многих мужчин, возникает полиандрия, которую долго считали какой-то странной исключительностью в истории и которая между тем оказывается чрезвычайно распространенной и самой первичной формой брачного союза, естественно возникшей вследствие недостаточности женщин. Даже и в настоящее время полиандрия распространена гораздо больше, чем обыкновенно думают, а по достоверным свидетельствам древности она была во время оно еще несравненно распространеннее. Она существует в Тибете, Исландии, на Малабарском берегу, Цейлоне, Новой Зеландии, островах Алеутских, на Таити и других островах Южного океана, в гималайских и подгималайских землях, соседних с Тибетом, в долине Кашмира, у спитов в Ладане, в Скиморе, Касии, в горах Сивалик, в нильгерских

горах у тудасов, у мисорских кургов и нейров, у коряков, на островах Канарских и в очень еще недавнее время на Ладранских. В древности полиандрия существовала у жителей северной Индии, по китайским источникам в Токгарестане, по греческим известиям у сабеян, жителей Африки гарамантов, у ливийского племени авзеев, у троглодитов, живших на западном берегу Аравийского моря, у скифов, мидян, массагетов, спартанцев, савроматов, кельтов, бриттов, пиктов, ирландцев, а по свидетельству Кампенгаузена (*Bemerkungen über Ruseland, Leipzig, 1807*) – у наших запорожцев. Несомненные следы древнего существования полиандрии, как мы увидим ниже, представляются также в Ливии, Каппадокии, Перу, Шампани и у множества народов Америки, Азии и Африки. Словом, все убеждает нас, что первичной формой брака была полиандрия и, основываясь на древних известиях, равно как и на современных этнографических сведениях, мы можем восстановить в своем представлении не только разные ее видоизменения, но даже и порядок их исторической преемственности.

Низшая форма полиандрии – это общность жен, являющаяся результатом крайней малочисленности женщин. Умыкаемые или взращенные самим племенем женщины делаются таким же коммунистическим достоянием его, как и другие предметы пользования, как дичь, настрелянная в лесу, или рыба, наловленная в воде. На существование этого гетеризма или общности жен у народов древности указывает много свидетельств и фактов. Общность женщин или, по крайней мере, следы ее существования, древние писатели указывают у египтян, троглодитов, гарамантов, гинданов, набатеев, эфиопов, фракийцев, лидян, персов, локров и т. д. Следы подобного гетеризма или полная общность женщин видны у многих современных народов, у ансарийцев, еймоков в Кабуле, у мпонгме в Африке, кашгарцев, куманцев, алеутов, лоандцев и т. д. У цыган ссури, живущих в Белуджистане, мужчины и женщины не знают никаких ограничений в половом деле, здесь царит полная общность женщин и дети считаются общим достоянием всего племени. Замечаемая у дикарей свобода половой страсти, отдача жен другим во временное пользование, угощение ими и дочерьми друзей и знакомых, наконец столь распространенная в древнем мире религиозная проституция, – все это только отдельные проявления одного и того же первобытного гетеризма, представителем которого в религии служит культ Венеры, существующий в разных формах у множества народов и постепенно вытесняемый из жизни культом, представляющим идеалы брака и материнства.

Малочисленность женщин, ведущая за собой их умыкание, гетеризм и полиандрию, до сих пор поддерживает в дикарях склонность к общему пользованию ими. Муж похищенной или купленной женщины свои исключительные права на нее сплошь и рядом принужден защищать с оружием в руках против всех своих холостых родичей: каждому из них хочется отнять эту женщину. Такая борьба мужчин за женщин, и борьба не обрядовая, а очень серьезная и кровопролитная, до сих пор существует, например, у дикарей Австралии и Америки, а саги островитян Южного океана указывают на существование ее там в древности. Франклин говорит о некоторых племенах индийцев, что «они смотрят на женщин как на всякую другую собственность, которую сильный всегда может отнять у слабейшего». У гудзонбайских индийцев, по словам другого наблюдателя, мужчины обыкновенно дерутся за каждую похищенную женщину, и сильнейший овладевает этой добычей. Слабому человеку редко удастся удержать жену, которая приглянулась сильнейшему. И у многих других народов в их сказаниях о первобытных временах мы находим следы той борьбы за женщин. Общность жен не могла остановить подобных раздоров; при господстве ее мужчина, естественно, стремился к исключительному обладанию женщиной, а последней тоже хотелось избавиться от лишних любовников. Так, при общности жен сильнейшие мужчины успевают основывать для себя монопольные браки.

У троглодитов, например, по Страбону и Диодору, жены были общие, кроме жен их царьков, которые составляли исключительную собственность своих супругов, и за прелюбодеяние с которыми соблазнитель платил, в виде штрафа, одну овцу. Борьба исключительных стремлений мужчин с общинными притязаниями его родичей кончается компромиссом: мужу предо-

ставляется право ненарушимого владения женой, а родичи оставляют за собой только право пользоваться невестой в продолжение первой ночи или нескольких первых ночей брака. У древних жителей Балеарских островов, например, старейший из родичей первым спал с невестой, затем все другие по старшинству пользовались удовольствиями ее ложа, а потом уже жених. В Вавилоне, Армении, Карфагене каждая женщина должна была однажды удовлетворять страсти всех желающих, и только после этого она имела право выходить замуж.

Таким образом, общность жен стремится перейти в брак, но этот переход долго невозможен, во-первых, по малочисленности женщин, которых недостает на всех мужчин по одной, а во-вторых, отдельные личности бессильны охранять свои супружеские права от всех претендентов на женщину. Вследствие этого несколько мужчин составляют компанию и, обзаведшись одной общей женой, отражают всех других искателей, желающих пользоваться ею. Эти компании соединенными силами умышляют девушек или покупают их. Такие компании были прежде на островах Марианских и существуют до сих пор в Австралии, на Цейлоне, Таити и других островах Южного океана. Самая первичная форма этой полиандрии отличается тем, что мужья-компаньоны не родственники друг другу, а общая жена их живет или у своих родителей или в собственном доме, независимо ни от мужей, ни от родителей. Так, например, у нейров, жена, вышедшая за первого мужа, поселяется в своем доме и ведет самостоятельную жизнь; она может взять себе еще несколько мужей, не более, впрочем, двенадцати, и в выборе их совершенно свободна. У тех же нейров и на Цейлоне жена остается иногда в доме своих родственников, а мужья переселяются к ней или куда-нибудь поблизости. Дальнейшая форма полиандрии, еще более отступающая от первобытной общности жен, состоит в том, что жена принадлежит не случайным компаньонам, а нескольким братьям и живет в их общем жилище. Иногда обе эти формы встречаются у одного и того же народа, но у большинства известных нам полиандрических племен, например у тибетцев, кашмирцев, ладакцев, цейлонцев, бриттов, господствует последняя форма полиандрии. Переход женщины в чужое семейство и узы родства, связывания ее мужей, служат необходимыми условиями для постепенного превращения многомужества в единоженство и полигамию. Как полиандрические братства и компании стараются ограничить общность жен и утвердить свои исключительные права на содержимую ими компанейскую супругу, так и сильнейшие из мужей-братьев стараются, отдалив от жены своих соперников, владеть ею нераздельно. Преобладание в этой борьбе, естественно, берет старший брат и делается сначала главным, а потом и единственным супругом своей семейной жены. Следы этого переворота можно видеть в разных обычаях полиандрических народов. В распространенном по всему Тибету полиандрическом браке все братья равно могут пользоваться любовью своей общей жены, но и здесь уже заметно преобладание старшего брата, которому принадлежит право выбирать жену и который считается отцом всех ее детей. Такое же значение имел старший брат и у бриттов. В Ладаке при женитьбе старшего сына к нему переходит вся собственность его родителей, которых он обязуется содержать до смерти. Младший брат обыкновенно поступает в духовное звание и делается безбрачным ламой, остальные братья считаются второстепенными мужьями жены первенца, которому принадлежат и все рожденные ею дети. Младшие братья не имеют никакой власти и всецело зависят от произвола старшего. По смерти последнего, его имение, власть и вдова переходят к следующему брату. Наконец, на известной ступени общественного прогресса, старшему брату удается вовсе устранить других от пользования женой при своей жизни и ограничить его только правом, переходящим после его смерти к следующему брату. Это левиратный брак, по которому вдова умершего брата переходит по наследству к следующему. Левират существует у множества народов, и так как он естественно развивается из полиандрии, то уже одного его существования совершенно достаточно для доказательства, что многомужество господствовало некогда у народов, держащихся левиратного обычая, то есть у евреев, египтян, индусов, персов, друзов, моавитян, сирийских арабов, монголов, остяков, киргизов, гольдов на Амуре и Уссури, кавказских

горцев, индейцев и множества племен Африки и т. д. Левират, таким образом, есть моногамический брак, носящий на себе явные следы полиандрии, из которой он развился. Нужно впрочем, заметить, что господство полиандрии в первобытной жизни следует считать отнюдь не исключительным, а только более или менее преобладающим над другими формами брака. Даже в чисто полиандрическом обществе нередко могут случаться примеры моногамии и полигамии. Если мужчина не имеет вовсе братьев и владеет своим фамильным имуществом нераздельно, то он, естественно, живет в моногамии, а большинство окружающих его семей, заключающих в себе по нескольку братьев, держится полиандрии. Сильный или богатый человек даже в полиандрическом обществе может обзавестись не только отдельной женой, но даже несколькими, и полигамия, таким образом, возникает наряду с единоженством и многомужеством. При этом переходном состоянии сладострастие и рабовладельческие расчеты мужчин стремятся к утверждению полигамии, между тем как женщина, для которой полигамия неудобствительна и унижительна, а многомужество тяжело и истощительно, употребляет разные усилия к водворению единоженства. Условия жизни первобытного общества после падения полиандрии и после того, как численные отношения полов вследствие известной доли социального прогресса более или менее уравниваются, – условия жизни дают моногамии преобладание над другими формами брачного союза. Полигамия невозможна для низших пород человечества, не по малочисленности только женщин, но и потому, что содержание многих жен стоит дорого, вследствие этого полигамия является только при дальнейшем развитии народа и у одних лишь зажиточных людей, между тем как бедняки и перебивающиеся со дня на день дикари живут с одной женой. Кроме бедности, их принуждает к моногамии еще и то обстоятельство, что, бродя постоянно со своими семьями вдали от других людей, не зная никакой формы общественного союза, кроме семейной, они в управлении своим семейством должны полагаться только на собственные силы; последних у дикаря достанет на то, чтобы держать в рабстве одну бабу, но с несколькими он, пожалуй, и не справится. Да и для чего ему много жен? Хозяйственные работы, для которых впоследствии употребляются женщины, в первобытной жизни так ограничены, что для их выполнения совершенно достаточно одной женщины и ее ребят; а половое сладострастие, которое вместе с потребностью в рабочих руках служит главной причиной полигамии, у дикарей развито чрезвычайно слабо. И почти у всех известных нам диких народов, как древних, так и современных, мы видим после падения полиандрии или исключительное господство моногамии или, по крайней мере, весьма значительное преобладание ее над другими формами брака. Саги и предания не только цивилизованных, но даже диких народов гласят, что первые люди жили в моногамическом союзе. Большинство богов имеет по одной жене. У современных дикарей, стоящих на низшей ступени развития, также господствует моногамия. Из 20 гренландцев разве один только имеет более одной жены, да и то лишь в случае совершенного бесплодия первой супруги. Лопари всегда жили не иначе, как в единоженстве. Большинство бедуинов, несмотря на ислам, позволяющий четырех жен, имеет только по одной. То же самое у значительного большинства дикарей Сибири, Америки, Африки и т. д. Правда, что почти у всех этих народов рядом с моногамией существует и многоженство, но первая все-таки является господствующей формой, а последняя существует уже как результат известной степени богатства и общественного развития; чем неразвитее и беднее народ, тем сильнее у него моногамия, и наоборот. Нужно, впрочем, сказать, что преемственность родов брака не имеет безусловно неизменной определенности, завися от множества местных и временных условий. Моногамия, как мы сказали, есть преимущественная форма брачного союза у дикарей. Но у некоторых из тех же диких племен благодаря местным условиям существует сплошная полигамия и притом в громадных размерах. К северу от Мадраса, например, живет одно самое дикое племя, в котором число женщин до такой степени превосходит мужчин, что каждый имеет по семь жен. Подобные исключения, конечно, нисколько не отвергают преобладания единоженства в дикой жизни после падения полиандрии.

Все древние и новые свидетельства утверждают, что в полиандрии женщина пользуется почти полной свободой и независимостью. Она владеет отдельным от супругов имуществом, по своему желанию выбирает мужей, и последние относятся к ней с замечательным уважением. Несомненно, что и эту свободу и это уважение женщина приобретает потому, что сама она служит редким и дорогим товаром, и ценой своей любви может купить у соперничающих за нее мужчин все что угодно. Один из самых новых наблюдателей полиандрии, Эрих фон Шенберг, рассказывает, что каждый из мужей-компаньонов старается предпочтительно перед другими угодить общей жене и готов полагать каждому ее капризу. Малочисленность женщин, даже без полиандрии, всегда хорошо влияет на их положение в семействе и в обществе, хотя и вредно действует на их нравственность. Чем меньше в известной стране женщин, тем более ценятся они во всех отношениях и тем удачнее они могут бороться с эгоизмом мужчин. Но одной ценностью женщины и порождаемым ею уважением мужчин нельзя объяснить того замечательного положения женщины, какое она занимает в полиандрическом семействе и обществе. Само устройство семьи и характер полиандрического семейного права выдвигают женщину на передний план, и ее интересы ставят выше интересов всех других домочадцев.

В патриархальном семействе, типом которого может служить известная каждому читателю библейская семья, абсолютно и единовластно царит принцип отцовства. Управление всеми делами, родство, наследство, – все это сводится к одному центру – к личности домовладыки, власть которого служит основой семейного института. При полиандрии такие порядки невозможны, здесь семья не имеет отца, особенно в период общности жен решительно нельзя определить, кому принадлежат дети, рожденные известной женщиной, а позднее, при господстве одной из полиандрических форм, можно только сказать, что дети родились от одного из таких-то мужчин, число которых доходит часто до десятка и более. Да и понятие о родстве по отцу, даже о необходимости для самого происхождения детей известного участия мужчины должны были явиться уже после понятия о происхождении детей из материнской утробы, что, по своей осязательной для всех очевидности, прежде всего должно было поразить внимание первобытных людей. Таким образом, самая первичная семейная система была основана на идее кровного родства и родства только по матери или по женской линии. Коль скоро человек усвоил себе мысль, что в жилах его течет материнская кровь, немного стоит ему догадаться, что та же самая кровь в его братьях и сестрах, равно как в братьях и сестрах его матери и т. д. У нейров, у которых мужья обыкновенно не братья и не родственники между собой, никто не знает своего отца, и каждый смотрит на детей сестры, как на своих наследников, потому что кровная связь с этими племянниками для грубого нейра гораздо очевиднее, чем его родство с детьми его жены, неизвестно от кого зачатые. И все семейные обычаи этого народа проникнуты теми же принципами материнства. Семейством управляет мать, а после ее смерти – старшая сестра. Братья живут обыкновенно под одной кровлей; если один из них отделяется, то с ним обыкновенно уходит любимая сестра его. После смерти мужчины, все его имущество делится между всеми детьми его сестер; если у него есть земля, то управление ей вручается старшему лицу в семействе. У других полиандрических народов родство считается также только по женской линии; дети принадлежат семейству и роду матери; фамилия, права, имущество – все это наследуется по началам материнства; мужчине наследует сестра или дети ее; часто брат при сестре не наследник, главное лицо в семействе мать или старшая сестра, – словом, вся система личных и имущественных семейных отношений проникнута началами кровного материнского родства. Эта система во время владычества полиандрии так крепко укореняется в понятиях народа и превращается в такой священный обычай, что продолжает даже существовать после падения многожужного брака, при одноженстве и полигамии. Так, например, у кокков, которые держатся теперь моногамии, мы видим эту систему в ее чистейшей полиандрической форме, с тем только отличием, что в число родственников принят муж дочери, в качестве служебного члена семьи. У ликийцев дети наследовали по женской линии, получая права и фамилию матери,

так что, например, если гражданка выходила за раба, то дети ее считались благородными, а если гражданин женился на рабыне или иностранке, то его потомство принадлежало к низшему сословию; родителям наследовали не сыновья, а дочери; главой семейства была мать, а не отец. Те же начала действовали и у многих других народов – у карийцев, локридян, индусов, египтян, многих африканцев, пиктов, бриттов, кельтов, жителей Шампани, перуанцев и т. д. У иных и теперь вместе с материнским наследством сохраняется запрещение вступать в брак с родственниками по матери, между тем как с родней по отцу брак дозволен, подобно тому, как в Библии Авраам женится на сестре, а Лот на племяннице по отцу, а не по матери. Словом, по всему миру до сих пор уцелели еще рассеянные остатки первобытного материнского права, которые могли возникнуть только из полиандрии и которые, несомненно, убеждают нас в повсеместном ее господстве в первичную эпоху истории человечества.

Не только в юридической, но и во всех других отраслях первобытной культуры мы видим то же преобладание материнства и вследствие этого главенство женщины. Мать была источником первых чувств родственной любви, и уважение к ней родило первую идею о нравственном долге. Известия о жизни современных дикарей показывают нам, что из струн человеческого сердца на низшей ступени его развития издает самые сильные и самые благородные звуки любовь матери. На особенную силу любви между кровными родственниками в ту эпоху указывают отношения между братом и сестрой. И в известиях этнографов, и в исторических свидетельствах, и в народных песнях, дышащих стариной, – всюду мы видим особую нежность сестро-братских отношений. Брат представляется защитником и любимцем сестры, а она его верной подругой. И сестро-братские отношения стоят в первичном мирозерцании до того выше всякого дружественного союза, что если два мужчины или мужчина и женщина, по взаимной симпатии, вступают в дружественное товарищество, то называют себя братьями и сестрами.

Такой обычай *побратимства* и *посестримства* в ходу у многих народов, например у древних египтян, у современных задунайских славян и т. д. Но материнство не ограничивается развитием чувств братства только между кровными родственниками: чуждое той исключительности и тех аристократических притязаний, какие проникают в жизнь вместе с началами отцовства, оно держится принципов всеобщности и равенства; «из него, – говорит Баховен, – возникает братство всех людей, сознание и признание которого погибают с развитием отцовства». Материнство не знает отца, и все дети равны для него, как происходящие от одной крови. А так как главным божеством в эту эпоху является Земля, мать всего живущего, то отсюда, естественно, возникает представление о родстве и братстве всех людей. Материнство поэтому, как доказывают несомненные исторические свидетельства, благоприятствует не только весьма важному для социального прогресса развитию сношений с иностранцами, но даже не препятствует вступлению в брак с ними и с рабами. Даже там, где материнство находится в измененном отцовским принципом состоянии, все-таки сильно заметно его нивелирующее, демократическое влияние, благодаря которому Древний Египет, например, был избавлен от чудовищной системы каст, останавливавших всякое развитие и убивавших всякую жизнь в других государствах, особенно в Индустане. В Риме основанные на материнстве плебейские начала были семенами общественного прогресса и социального уравнивания. Все это сознавалось еще древними, которые в своих легендах и песнопениях о золотом веке, об этой эпохе всеобщего равенства и братства, хотя и слишком уже предавались фантазии, но все-таки эта фантазия имела некоторое историческое основание в общественном и нравственном строе древнейших обществ, проникнутых началами материнства. У Гесиода, например, материнство является средоточным пунктом всей домашней и общественной жизни рода человеческого в эпоху серебряного века. Памятники разных отраслей древней жизни свидетельствуют, что на всех отношениях, как социальных, так и нравственных, лежала печать одного материнского начала. Брак назывался «*matrimonium*», от *mater* – «мать»; прежде, чем говорить отечество и

язык отцов, люди говорили «Mutterland, metropolia, Muttersprache», – «земля матерей», «язык матерей» и т. д. Прежде чем отцовство утвердило в жизни первенство, любовь матери, особенно предпочитающая последнего рожденного ею дитяти, старалась о некоторых преимуществах младшего сына или дочери. Материнское чувство было первичной основой всей моральной культуры, утверждая среди дикой анархии начала любви, единения и мира. «Как ребенок, так и народы получают первое свое воспитание от женщины», – говорит Баховен. Предания многих народов рассказывают нам, что женщины не раз полагали конец бродячей жизни, сжигая корабли своих мужей, что они были основательницами земледелия и других искусств мирной жизни, что они водворяли на земле мир и, давая законы, поддерживали правду, что они, по выражению Страбона, первые стали поклоняться богам и потом научили этому мужчин. Мы увидим ниже, что во всех этих легендарных сказаниях очень много исторической правды. О том же первобытном преобладании женщины свидетельствует и история религии. Разберитесь какую угодно мифологию, и вы увидите, что основным и первым по времени божеством в ней была Земля, эта щедродательная мать всех людей. Принцип отцовства в мифических образах богов неба или Солнца является уже после, точно так же, как в человеческой жизни отец утверждает свои права после матери. Так, например, в египетской религии культ Озириса (Солнца) явился после культа Изиды (Земли), и последняя имела гораздо большее значение, чем ее супруг. Она была царицей всей земли, матерью богов, первую законодательницей, верховной судьей, основательницей брака, земледелия и всей культуры. В древних гимнах Изида говорит, что от нее, «законодательницы смертных», проистекает вся мудрость царей; что она уничтожила бедствия войны и утвердила благодетельную власть фараонов и т. д. В греческой религии первое место принадлежит также матери богов и людей, источнику всякой жизни, Гее, Земле, имевшей преобладающее значение в пеласгическую эпоху. Стоит только припомнить некоторые подробности эллинской священной истории, и преобладание в ней женского элемента делается ясным. Свержение старейшего из богов было делом матерей. Кронос – младший из титанов, по приказанию Геи нападает на Урана и побеждает его. Сам Кронос свержен младшим из сыновей, Зевсом, действовавшим по воле своей жены, Реи, и матери, Геи. Отец пожирает только сыновей, а дочери остаются неприкосновенными. Все сыновья Урана повинуются матери, кроме Океана, этого поборника отцовских принципов. В эпоху золотого и серебряного веков царит над человечеством Правда (Diké), дочь старого Астрея, восседающая на полнотном небе с колосьями в левой руке. Женщина является здесь носительницей права, устроительницей мира и добрых нравов, подательницей всех жизненных благ. И Баховен, в своем замечательном исследовании о древней гинейкокрации, – которое, несмотря на все его ошибки и парадоксы, извиняемые совершенной новостью и неразработанностью предмета, должно занять видное место в исторической науке, – Баховен доказывает, что в древних религиях все женственное преобладало над мужским, луна над солнцем, ночь над днем, левая рука над правой. Достоинство и значение земной женщины стояли в самой тесной связи с этими религиозными понятиями. Женщина была представительницей божественной земли; все свойства, как женщины, так и земли, представлялись одинаковыми, а мужчина стоял к жене в таком же случайном отношении, как пахатель, или сеятель, к земле. В главе всех вещей стоит здесь великая праматерь, из недр которой возникает всякая жизнь. Представительница и жрица ее, земная женщина, имеет то же значение силы и святости, как и богиня. Кто обидит женщину, тот обидит землю, и последняя в греческой мифологии не раз наказывает преступников, нарушивших обязанности, требуемые материнством. При таких условиях женщина предпочтительно перед мужчиной делается служительницей божества. Тацит говорит, что германцы «видели в женщинах что-то святое, вдохновенное; они никогда не презирали их советов и приписывали важность их ответам». У современных дикарей женщины считаются также особенно способными для сношения с миром богов и в качестве жриц или пророчиц играют важную роль в обществе. У древних народов, на заре их истории, женщины допускались к обя-

занностям жречества наравне с мужчинами и имели гораздо больше религиозного влияния на народ, чем впоследствии, в патриархальную эпоху. Так, например, гуроны особенно заботятся о совещании с женщинами в важных делах. С этой ролью советницы женщина соединяет еще и значение судьи. Галльские женщины составляли в некоторых случаях даже верховный суд нации, и галлы договорились с Ганнибалом, что в случае какого-нибудь неудовольствия на них карфагенян последние должны жаловаться галльским женщинам, которые и рассудят их. У древних чехов хранительницами законов и верховными судьями были женщины, равно как и у беотийцев. Павзаний рассказывает, что когда умер пизанский царь Демафон, причинивший много зла элейцам, то для разбора притязаний и несогласий между Элис и Пизой 16 городов выбрали по одной женщине каждый, которые и установили мир. О древних и новых народах известно, что даже находящиеся в рабском состоянии женщины часто играют роль мировых посредниц, прекращая своим вмешательством не только частные ссоры, но даже и племенные войны.

Было бы непонятным фактом в истории, если бы при упомянутом высоком положении первобытной женщины в семействе и в религии она не пользовалась равным же значением в общественной жизни. Права материнства, экономическая самостоятельность, религиозное и нравственное влияние, наконец, сила мускулов и воинственность первобытной женщины, о которых мы будем говорить ниже, – все это, естественно, вело за собой более или менее полную гинейкократию. Остатки этого владычества женщин мы можем видеть до сих пор у некоторых дикарей разных стран света. По словам Ливингстона, в некоторых землях Африки женщины занимаются торговлей, свободно разъезжают по стране или же пахут землю, засевают поля и строят хижины; такая деятельная жизнь, развивая силу их ума и мускулов, дает им не только свободу, но даже владычество над мужчинами, которые тупеют и изнеживаются, сидя постоянно дома и занимаясь шитьем, тканьем, доением коров и сплетнями. У некоторых племен мандинго женщины принимают участие в управлении и составляют собрания, к которым мужчины обращаются в трудных случаях за советом. У багиунсов есть даже особый женский суд. В Ангоне, Анголе и Конго на женщин переходит по наследству королевская власть, а в Лоанго король выбирает себе матрону, называет ее своей матерью и по всем важным делам обращается к ней за советом. У народов южной Гамбии женщины принимают участие в общественных делах, законодательстве и суде. В Бабу и у Болонда они могут быть королевами и пользуются большим уважением. В Дагомее женщины составляют королевскую гвардию, а родственницы короля заведуют прокурорским надзором в стране. Вообще же о жителях Африки Вайц замечает, что «богатство и знатное происхождение освобождает женщину от ее обыкновенной судьбы». Богатые девушки в Акре живут с кем хотят, несколько не скандализируя себя этим; сестры короля ашантиев выбирают сами своих мужей, и обычай требует, чтобы последние сопровождали их в могилу. Такой же свободой и преобладанием над мужчинами пользуются женщины королевской крови в Конго и Лоанго. У каффров мать вождя имеет огромное значение, а каждая хозяйка дома управляет им независимо от своего мужа. У древних норманов не одна женщина носила с собой длинный нож, и не один мужчина был рабом своей жены. У малайцев жена повелевает в своем доме. Черкешенки принимают самое деятельное участие в делах народа, воодушевляют юношей на подвиги, награждают хвалой победителей и ведут себя так самостоятельно и солидно, что путешественник Бель сравнивает их с Девой Орлеанской. Жены и сестры некоторых арабских шейков, во время отсутствия последних, ведут все дела управления. У чукчей и на островах Южного океана женщины являются нередко родовыми княгинями и королевами. Такова была, например, Помаре, королева Таити, наследовавшая в 1832 году своему брату, который вводил на островах христианство, поднимая гонение на эту религию и тем возбудившая французское вмешательство. Вообще же на островах Южного океана женщины имеют право говорить в народных собраниях и мужчины с уважением внимают их советам. На Яве, до введения там магометанства, женщины часто достигали высших долж-

ностей администрации, и даже теперь нередко случается, что после смерти начальника округа вдова его удерживает за собой принадлежавшую ему власть. На Целебесе женщины не только участвуют в общественных делах, но часто даже всходят на трон, хотя королевское достоинство и зависит здесь от народного выбора. Жена вождя Липукаски была одним из первых государственных людей и героев Целебеса. У европейских варваров женщины пользовались также гораздо большей свободой в древности, чем впоследствии. Однажды в Галлии им удалось утешить в самом начале возгоравшуюся было междоусобную войну, и с тех пор они начали играть первенствующую роль в военных советах и при заключении международных договоров. Есть даже известие, что в Галлии был женский сенат и что входившие в его состав представительницы галльских племен имели верховную власть над ними. В Германии они наследовали государственную власть и часто являлись такими героинями и правительницами, что величайшие мужи считали за честь служить под их знаменами и повергать к стопам их свои военные трофеи. Подобных примеров из дикой или полудикой жизни можно набрать множество, но мы ограничимся только вышеприведенными и следующим известием новейшего путешественника по Африке Ливингстона. К северу от Замбези живет народ балонда небольшими земледельческими общинами. Повсюду мужчины, женщины и дети заняты возделыванием маиса, кофе, овса, бобов, риса, тыкв и т. д. Что же касается социальных порядков, то замечательнее всего преобладающее значение женщин. Ливингстон, не доверявший рассказам прежних путешественников о господстве у балонда гинейкократии, наблюдал ее скептически, но все-таки убедился в ее существовании. «Женщины заседают в народных советах; жених должен переселиться в деревню своей будущей супруги и жить там; при заключении брачного договора он обязуется содержать до смерти свою тещу; жена одна имеет право дать развод мужу, и все дети в таком случае остаются при матери; муж без дозволения жены не может входить ни с кем в обязательство, как бы незначительно оно ни было». И мужья до того уже свыклись со своим положением, что не обнаруживают никакой оппозиции. Жены же стараются держать их в ежовых рукавицах и часто наказывают лишением пищи, побоями и пощечинами. Иногда, впрочем, мужчины вступаются за такие жертвы жениного деспотизма и принуждают тиранку пронести мужа по улице на своей спине, причем мужчины ругают везущую, а женщины поощряют ее, восклицая: «поступай с ним, как он заслуживает, взлупи-ка его еще так же», и т. п. Известный знаток африканской цивилизации Лепсиус замечает, что «с древнейших времен в этой части света чрезвычайно распространено преобладание женского пола над мужчинами. Вспомните, как часто упоминаются королевы Эфиопии. На памятниках ваяния в Мерое мы также видим воинственных цариц. Беги, бывшие потомками меройских эфиопов и предками нынешних бишари, вели свои генеалогии не по отцам, а по матерям, и наследство переходило не на сына, а на сестру или дочь умершего. Такие же порядки были у жителей Нубии». По словам Диодора, в древней Африке было много племен, у которых женщины занимались всеми общественными делами, мужья же под управлением своих жен вели хозяйство, их не допускали ни до управления, ни до военных занятий. Подобных древних известий об африканской гинейкократии множество, и владычество женщин в известной степени удержалось даже в одном из самых древних цивилизованных государств – в Египте. Здесь, по словам правдивого Геродота, «царица пользовалась большим уважением и большей силой, чем царь», и хотя на египетском троне восседали немногие женщины в качестве самостоятельных государынь, зато фараон состоял под верховной опекой своей матери. «Даже в частной жизни, – по Геродоту, – жена, посредством брачного договора, приобретала власть над мужем, и жених обязывался во всем беспрекословно повиноваться своей будущей супруге. Женщины ходили на площадь, занимались торговлей и промыслами, а мужчины сидели дома и ткали. Сыновья не содержали родителей, обязанность прокормления которых лежала на дочерях»; эта обязанность уравновешивалась правом дочери на получение от родителей всего наследства, кроме

земли. Приданое девушки получали от своих матерей или добывали его путем проституции, что указывает на остатки первобытного гетеризма.

После приведенных нами фактов читателю уже не покажется странным, что мы видим известную долю исторической действительности и в сагах об амазонках. Воинственный характер их вполне согласен с воинственностью большинства первобытных женщин. Полиандрия и преобладание над мужчинами существуют у разных народов, поэтому мы и считаем саги об амазонках одним из доказательств существования в древности немалого числа таких племен, у которых женщины были воинственны, держались полиандрии, управляли мужчинами и общественная жизнь была основана на началах материнства. Происхождение амазонства объясняется в древних источниках тем, что женщины, восстав и перебив своих мужей, делались независимыми и начинали жить с рабами, пленниками и чужестранцами. Хотя и плохо верится такому поголовному мужеистреблению, но, уменьшив размеры его, мы, основываясь на известиях о современных дикарях, имеем полное право считать его господствовавшим обычаем эпохи первобытной борьбы мужчины с женщиной, хотя объяснять происхождение амазонства подобным переворотом и невозможно.

Диодор рассказывает следующее о царице амазонок, живших на устье реки Термадон. Со дня на день росла слава ее храбрости, и тотчас после покорения одного народа она шла на завоевание другого. Она назвалась дочерью бога войны и заставила мужчин прясть шерсть. Изданием своих законов она призвала женщин к военным занятиям, а мужчин осудила на унижение и рабство и, желая их сделать безопасными, велела уродовать всех мальчиков. О происхождении скифских амазонок сага говорит, что в царствование египетского Сезостриса некоторые скифы со своими семействами выселились в Каппадокию; но вскоре большинство их, кроме женщин, было изменнически перебито врагами. Жены их, избрав из себя предводительниц, вооружились и отказались навсегда от всякой подчиненности мужчинам; перебив оставшихся еще у них мужей, они покорили несколько земель и обращенных в рабство жителей их заставляли периодически сожигать с собой, не вступая, однако ж, с ними в скольконибудь прочный брачный союз. Рожденных ими девочек они оставляли у себя и воспитывали, а мальчиков убивали или отдавали их отцам. Древние авторы передают нам целую полумифическую историю царства этих азиатских амазонок, рассказывая, как они покоряли многие страны и строили многие города, как они боролись с Геркулесом, принимали участие в Троянской войне и т. д. В Африке было также много амазонок, составлявших сильные царства, из коих некоторые имели женскую армию в 3000 пехоты и 20 000 конницы, делавших большие завоевания и державших своих мужей в таком же рабском подчинении, в каком у других народов находятся женщины. Геркулес во время своих странствований решился освободить мужчин от этого бабьего владычества и положил конец царству амазонок. Амазонки существовали также, по древним свидетельствам, в Аттике, Беотии, Фессалии, Южной Америке, на берегах Балтики и т. д. В Европе были амазонки в Богемии. В первичную эпоху истории этой страны женщина была равноправна с мужчиной и могла быть государыней; женщины же были и главными хранительницами законов³. Любуша, наследница Крока, обладала, по преданию, государственной мудростью; ее старшая сестра, Тета, отличалась постройкой городов, а средняя, Бази, занималась медициной. Два брата ссорятся из-за наследства; Любуша созывает народное собрание и посреди его всходит на престол своего отца, сопровождаемая двумя вещими девами, изучившими судейскую мудрость; у одной из них законодательные доски, у другой меч – символ наказания. Княжна произносит свой приговор, ссылаясь на законы вечных богов, и две девы собирают голоса народа. Но в той же самой поэме мы видим уже начало падения гинейократии. Любуша решает упомянутый спор так: «по закону вечно живущих богов, братья должны вла-

³ «В древней Чехии, – говорит Козьма Пражский, – девушки росли свободно, упражнялись в военном деле, ходили на войну, охотились, одним словом, в образе жизни мужчин и женщин не было тогда различия». – *Здесь и далее примеч. авт.*

деть именем вместе или же разделить его поровну». Большинство голосов было решено, что они должны владеть вместе. Тогда поднимается один из тяжущихся братьев, лютый Хрудош; «желчь разлилась по всей его внутренности, от ярости дрожат все его члены; махнув рукой, заревел он ярым туром: “горе птенцам, когда заползет к ним в гнездо змея, горе мужчинам, когда ими повелевает женщина. Мужчина только повелевает мужчинами, первенцу повелевает закон отдать наследство”». Оскорбленная таким протестом Любуша хотела отказаться от престола, но она осталась на нем, только должна была выбрать себе мужа из земских людей. Таким образом, как и у германских племен, у чехов право женщины на престол было ограничено тем, что она должна выходить замуж. Легенда говорит, что женщины не без сопротивления подчинились такому перевороту. По смерти Любуши, назначившей преемником своего мужа Пржемислава, одна из ее девушек, Власта, собрав около себя множество женщин, вознамерилась превратить всю Богемию в женское государство, лишив мужчин их власти и значения. Дела этих амазонок сначала пошли успешно, и они основали *Девичий город* (Divin, Magdeburg). Власта постановила законом воспитывать из детей только девочек, а рождающихся мальчиков делать неспособными к владению оружием, выкалывая им правый глаз и отрубая им на обеих руках большие пальцы. Мужчины вооружились против амазонок, произошла битва, женщины были побеждены, а Власта убита. Путешественники XVII века, посещавшие Бискайю, видели амазонок и там. В Фуэнте-Раббиа была община женщин, состоявших под начальством одной старой девы. Все они жили судоходством, на берегу моря в маленьких хижинах. Эта женская республика существовала недолго.

Глава II

Падение материнства и гинеякратии. Развитие патриархальной системы

В поэме о Любуше и Власте, в греческих легендах о Геркулесе и других героях, отчасти и в индейском эпосе, рассказывается, как мужчины силой своих сверхъестественных покровителей избавились от владычества женщин и как положен был конец амазонству. Здесь, как и в вопросе о происхождении амазонок, нельзя соглашаться с древними источниками. Такие перевороты, как падение гинеякратии и материнского начала, подобно изменениям земной коры, совершались медленно и постепенно. Еще в период полного господства материнства является уже зачаток будущих перемен в семействе – идея отцовства; когда люди узнали, что женщина, подобно самке всех других животных, не может родить без мужского оплодотворения ее, когда, следовательно, у каждого ребенка предполагался отец, то родство начали считать не только по матери, но и по отцу. Начало отцовства долго было чисто фиктивным, гипотетическим, между тем как родство по матери представлялось для всех очевидным фактом. При многомужестве и свободе половых отношений женщины невозможно с достоверностью указать на лицо, бывшее родителем данного ребенка. Первым средством для определения личности отца служит физиономическое и вообще телесное сходство ребенка с одним из мужей его матери. Так, например, делились дети у полиандрических племен Ливии и авзов; у либурнийцев как жены, так и дети до пятилетнего возраста считались общими. Шестилетних же детей они приводили в свое собрание и по сходству их с мужчинами раздавали предполагаемым их отцам. Для признания своих отцовских прав на ребенка мужчина употреблял и другое, еще более фиктивное средство. Мы говорим о куваде, обычае, распространенном у сканов, корсиканцев, киприан, иберийцев, караибов, индейцев Южной Америки и Калифорнии, в Цукхели, в Западной Африке, у басков, в старинной Наварре и т. д. Обычай этот состоит в том, что при рождении ребенка отец ложится в постель, подражает крикам, стонам и всем болезненным телодвижениям родильницы, выдерживает самую строгую диету, остается в постели мнимо больным несколько дней и даже недель, и все ухаживают за ним так же, как за родильницей. Смысл кувады заключается в том, чтобы показать наглядным образом, что отец имеет такое же право на ребенка и такую же родственную связь с ним, как и мать, родившая его в муках⁴. Дело признания отцовского родства и отцовских прав много подвигается вперед при переходе полиандрии в ее семейную форму. Здесь число мужей гораздо ограниченнее, чем в полиандрии несемейной, и поэтому гораздо легче, чем в последней, определить личность отца. Сначала, впрочем, и здесь все братья считаются отцами всех детей общей их жены. Такая система родства удерживается до сих пор между индейцами, свидетельствуя о том, что они жили некогда в полиандрии. У них все братья отца считаются отцами его детей; все дети разных братьев суть братья и сестры друг друга; все внуки братьев индейца в то же время и его внуки. Но, по мере возрастания авторитета старшего брата, о чем мы говорили выше, отцовское значение младших постепенно ограничивается и, наконец, вовсе падает. У полиандристов южной Индии хотя все братья считаются отцами, но старший называется большим отцом, а следующие за ним малыми отцами. Ту же систему родства видим мы у некоторых других народов. Дальнейшая степень в развитии

⁴ У современных дикарей, держащихся кувады, смысл ее, как и значение многих других первобытных обычаев, потерян, и они объясняют его разными соображениями, не имеющими никакой связи с первичным значением кувады. На основании этих соображений, Тейлор силится доказать, что кувада основана на первобытном понятии о единстве отца и ребенка; отец, дескать, держит диету для того, чтобы не расстроить желудка ребенка и не повредить ему. Но Тейлор забывает, что сущность кувады не в диете, а в том, что мужчина подражает всем мукам родильницы. В пользу предложенного здесь нами объяснения кувады говорят сходные с ней обряды усыновления. У греков и у римлян усыновление совершалось посредством обряда, изображавшего процесс рождения. Это продолжалось вплоть до Нервы, который, усыновляя Траяна, перенес совершение этой церемонии с брачного ложа в храм Юпитера.

отношений отцовского родства состоит в разделе детей между всеми братьями, как это иногда делается у тибетцев, и вероятно такой раздел совершается на упомянутом уже нами основании физиономического сходства. Раздел детей совершается еще и другим способом: старшего ребенка отдают старшему брату, второго – второму и т. д. Но подобные разделы противны основным началам устанавливающегося патриархального общества; они нарушают единство семьи и препятствуют развитию абсолютной отеческой власти, поэтому и служат только исключением из общего правила. По мере того как старший брат захватывает себе супружеские права всех других братьев, он присваивает и отеческие права над всеми детьми. Еще до совершения этого переворота у многих народов, держащихся семейной полиандрии, например у тибетцев, старший брат считается единственным отцом всех детей общей жены, хотя было бы и очевидно, что некоторые из этих детей зачаты не от него, а от других братьев. Когда же полиандрия падает, когда вследствие улучшения до известной степени разнообразных условий жизни количество женщин возрастает до того, что каждый мужчина может иметь не только отдельную жену, но даже несколько, когда сила мужчин, соединенных в родовые общества, берет верх над женщиной и имеет за собой уже много шансов на обращение ее в неволю, тогда родство по отцу, подкрепляемое отношениями, создаваемыми силой домовладыки, берет верх над родством по матери. Развивается патриархальная система, материнство женщины отодвигается на задний план. В первобытную эпоху истории, когда человек безусловно преклонялся перед могуществом природы и лобызал божественную землю, милосердно наделявшую его своими плодами, материнская производительность женщины стояла так же высоко, как и производительность земли, матери всего живущего. Но когда человек начал бороться с природой и отчасти даже покорять ее, когда он осознал, что плодородие земли зависит, в известной степени, от его воли и искусства, и главным образом от дождя и других атмосферных влияний, отца всех вещей – неба, тогда божественное значение земли значительно пало, на первый план выступил культ неба или солнца, тогда и женщина превратилась только в орудие деторождения, бесполезное без мужского осеменения, подобно тому, как пашня непроизводительна без пахаря и сеятеля. Такие притязания патриархатов не сразу могли победить принципы материнства и гинейкократии, которые, как мы уже видели, и увидим еще ниже, долго борются с принципами отцовства и держатся в жизни наряду с ними. Но физическая сила мужчины, в конце концов, все-таки восторжествовала и поработила женщину.

Когда вышеописанный ход событий ниспроверг полиандрию и основанное на материнском праве преобладание женщины над мужчиной, когда кровное родство по матери было отодвинуто на второй план, а над ним вознеслось родство по отцу и отеческая власть, то прежние семейные обычаи, идеи, чувства и льготы женщины не сразу уступили место новым принципам и долго боролись с последними, действуя наряду с ними. Умыкание девиц долго еще существует, как мы видели, и после водворения новых семейных порядков, с тем только различием, что в древнейшую эпоху, при господстве полиандрии, умыкаемая девушка редко обращалась в такое ужасное рабство, какое выпадает ей на долю в семье, основанной на принципе отцовства. В начале патриархального периода жених был врагом невесты и ее семьи, и последние поэтому ненавидели его, боролись с ним, и такая свадьба оглашалась не музыкой и веселыми песнями, а воинственными криками схватки и воплями девушки, увозимой на чужую сторону, но этого мало: захватив девушку насилием, мужчина, во имя новых семейных порядков, старался превратить ее в свою безответную рабыню. Таков был фундамент брачного права. Брак и власть мужа основывались единственно на праве силы, что выражается и в свадебных обрядах многих народов. У одних невеста обязана разувать жениха, у других он дает ей плюху, у готтентотов жених и невеста вступают между собой в обрядовую борьбу и брак считается заключенным лишь тогда, как жених повалит и победит невесту. Среди этой анархии и при таких кулачных порядках мы видим, что женщина хотя по необходимости и повинуетя насилию, но все-таки по-прежнему стремится к возможной независимости, и под ее влиянием развиваются зачатки

свободно-договорного брака. У всех диких патриархалов дочь такая же рабыня, как и жена, а у некоторых положение дочери даже хуже, чем положение жены. Поэтому девушка старается вырваться из семьи и выйти замуж; она ищет себе *похитителя*, то есть жениха, входит с ним в соглашение, и последний умыкает ее тайком от ее родителей. Так заключались браки, например, у радимичей, вятичей и северян, о которых Нестор говорит, что они сходились из разных сел на игрища «и тут умыкали в жены себе девушек, предварительно сговорившись с ними». Подобные умыкания случаются и до сих пор у разных дикарей.

При дальнейшем развитии семей и родов, при водворении между ними большей дружелюбности умыкание невесты мало-помалу уступает место покупке ее. Этот переход одного обычая в другой изображается, между прочим, и в тех многочисленных свадебных обрядах русских, в которых поезжане и сваты жениха, хотя и представляются враждебной, напавшей на род невесты шайкой, но все-таки, в конце концов, принуждены бывают платить родителям невесты за ее воспитание, выкупать ее постель, подкупать стерегущего ее брата и т. д. Набеги умыкателей не всегда кончались покорением рода и воровством невесты, а иногда мировой сделкой и покупкой девушки, род которой был достаточно силен для ее защиты от хищников, но в то же время был не прочь выгодно продать ее. Умыкание переходило в продажу еще и другим способом. Жених воровал невесту, родственники которой старались возратить ее; начинались распри, но денежная сделка, так сказать вира, уплаченная женихом за свое преступление, прекращала их и водворяла мир. У аураканцев до сих пор жених сначала умыкает девушку, а потом покупает у ее родителей согласие на брак. Наконец, входит в обычай, что родители похищенной девушки имеют право хлопотать об ее возвращении до известного срока, и если умыкатель сумел удержать ее до этого времени, то он приобретает над ней все права мужа, уплатив калым ее семейству. Таким образом, мало-помалу дочери делаются ценным товаром, и родители с радостью сбывают их за хорошую плату каждому встречному; не склонности невесты, не достоинства жениха, а только одна величина предлагаемой им суммы, один денежный расчет родителей девушки служат основанием для заключения или не заключения брака. Ходкость и цена этого живого товара сильно влияет на участь женщины, и корыстолюбие родителей нередко заставляет их лишать девушку всякой свободы при выборе себе мужа. У каффров, например, во время оно брак заключался не иначе, как с согласия невесты; но в позднейшее время, вследствие усиления запроса на женщин, корыстолюбие родителей уничтожило всякие следы этого прекрасного обычая и превратило девушку в совершенно пассивный товар. Этот древний брак-купля превосходно характеризуется русскими свадебными песнями и обычаями. Из них мы видим, что в период родового быта покупка невест совершалась со всеми формальностями обыкновенной купли-продажи. Покупателями были родители жениха или сам жених, а продавцами родители или родственники невесты. Жених постоянно называется *купцом*, а невеста – *товаром*. В Вологодской губернии смотрины, то есть показывание невесты, до сих пор в полном смысле осмотр товара. *Обручение* было и есть обрядовый знак того, что купец и продавец сошлись и в знак верности, при свидетелях, *ударили по рукам* или дали друг другу руки, что соблюдается до сих пор при всех коммерческих сделках простонародья. Но, говорит Кавелин, при покупке «отношения купца и продавца равные, когда речь идет о вещи, не равны, когда предметом торга служит женщина, будущая жена покупателя. Семья жениха выбирает, семья невесты играет пассивную роль; первая постановляет свои требования и условия, последняя не имеет права предъявлять таких же требований, она соглашается на предлагаемое или не соглашается, но не смотрит жениха и не делает выбора. Эта форма необходимо перерождается в обоюдные договоры двух семей о взаимном союзе их членов. Рядом со смотром невесты появляется смотр жениха, имеющий разительное сходство со смотринами невесты, – те же приемы родителей невесты, та же пассивная роль жениха». У древних германцев жена также покупалась, и уплачиваемый за нее калым был вовсе не символом перехода ее из-под власти отца во власть мужа, а буквально покупной ценой. Такая продажа невесты

ее родителями и покупка ее семейством жениха существовали в древности у многих народов. И в настоящее время у всех диких и патриархальных народов земного шара женщина продается и покупается с формальностями и требованиями, обычными при покупке животного для работы или на племя. Если, например, купленная арабом жена делается больна, то он прогоняет ее обратно к ее родителям, говоря, что платил деньги за здоровую, а не за больную, и что тратиться на содержание хворой бабенки он не намерен. В Трансильвании у румынов до сих пор ежегодно бывают ярмарки невест. Отцы привозят сюда своих дочерей вместе с приданым, выставляют их напоказ и кричат: «у меня есть дочь невеста; нет ли у кого сына-жениха?» Начинаются смотрины, переговоры, торг, затем сговор и попойка. Цены на невест разнообразны, смотря по местности, времени, достоинствам девушки и т. д. В странах плодородных и богатых женщинами, например в Южной Америке, дикарь может купить себе невесту за известное количество собранных им в лесу плодов или настрелянной им дичи. У черемисов девушка стоит от 30 до 100 рублей, у татар цена ее доходит до 500 рублей, у негров крус невеста стоит обыкновенно три коровы и одну овцу, у каффров – от 10 до 70 штук скота. Где цены на девушек ничтожны, там родители избивают их, а где высоки, там рачительно воспитывают не только своих дочерей, но и чужих, покупая их в малолетстве задешево и с выгодой продавая потом, по достижении ими совершеннолетия. Бедняки, которым не на что купить себе жены, поступают к своему будущему тестю в работу на известный условленный между ними срок и ценой своего временного рабства у отца невесты покупают ее себе в вечное холопство. Если она умрет во время этой работы жениха, то он получает сестру ее, а при неимении последней, отец покойницы доставляет ему возможность приобрести жену из другого семейства. Эта кабала жениха до сих пор существует и в Азии, и в Африке, и в Америке, и Полинезии и даже в Европе, у русских инородцев; была она и у древних народов, например, у скандинавов. Бывает даже так, что жених, не уплачивая за невесту ни гроша, поступает к ней в дом, делается подчиненным членом его, не имеет никаких прав на своих детей, словом, остается в вечном рабстве своей жены и ее семейства. Таков, например, у малайцев брак, носящий название *ambilanak*.

Брак в форме купли-продажи есть торговая сделка двух семейств, следовательно, о желаний и наклонностях невесты тут не может быть и речи; оно так и есть в позднейшем периоде, когда право и религия санкционируют и упрочивают первобытные семейные отношения, налагая на них печать определенности и неподвижности. Но пока народ не сложился в государство, семейные отношения не имеют еще той силы и непоколебимой прочности, какую они приобретают впоследствии; женщина борется, протестует против своей пассивной роли при заключении брака и стремится придать этому союзу характер свободного договора двух лиц, а не семей. О неграх Вайц говорит, что у них продаваемые невесты нередко оказывают решительное сопротивление воле своих родителей, и если не легко встретить у них сильную романтическую любовь, то, во всяком случае, можно видеть примеры замечательного постоянства любовников при неблагоприятных для них обстоятельствах и разительного самопожертвования, едва понятных при господствующем между ними воззрении на женщину. У американских индейцев несчастный любовник нередко стреляется, а девушки, которые не могут выйти за любимого человека, вешаются или топятся. И не одна любовь может довести девушку до такого сопротивления воле родителей, а также и известные дурные свойства жениха, например его злой характер. Вследствие такой оппозиции невесты, у очень многих первобытных народов входит в обычай при заключении брака сообразоваться с желаниями и наклонностями невесты. Так делают, например, якуты, башкиры и некоторые другие инородцы алтайской расы. У многих арабов родители начинают торг с женихом не иначе, как справившись предварительно с волей невесты. У горцев Китая, мяо-тзе, и корейцев молодые люди также часто заключают браки по своим наклонностям. У алофов, хотя согласие невесты и не необходимо для заключения брака, но она всегда может воспротивиться родителям, желающим выдать ее за известного человека, только за это она лишается права выходить замуж за кого бы то ни было. У некоторых народов

женщины успели даже превратить продажу невесты родителями в самопродажу ее. «Брак в Марокко, – говорит один турист, – есть чисто торговая сделка; рынок для брачных сделок в горах и равнинах, у мавров, арабов и берберов, открывается ежегодно в определенных для того местах, и женщины здесь беззастенчиво торгуют сами собой. В случае соглашения обеих сторон испрашивается согласие родителей девицы, все идет к кадию и там заключается брачный договор». Из легенд и саг разных народов мы также видим, что в древности, при господстве покупной формы брака, часто не только не спрашивалось согласие невесты, но даже ей предоставлялся вполне свободный выбор жениха, и родители потом уже получали от него плату за дочь. В древней финской легенде, например, солнце, месяц и звезды сватают за своих сыновей прекрасную деву Киликки. Невеста отвечает: «не хочу я идти к месяцу, потому что его лицо постоянно изменяется: то кажется узким, то полным и широким. Ночью он в движении, а днем отдыхает, поэтому его хозяйство неустроено. Не хочу я идти к солнцу, потому что оно походит на злого человека, – летом мучит зноем, зимой же – холодом». Благоприятный ответ получает только звезда: «охотно пойду я к звезде, потому что она добра, постоянно дома и прекрасна в своем отечестве, на плечах Большой Медведицы, на спине Семизвездия». Конечно, такая свобода девушки в деле заключения брака не может считаться исключительно господствующим обычаем даже у тех натуральных народов, которые более всего славятся ей, как, например, каффыры. В жизни первично патриархального общества, или, лучше сказать, семейства, взаимные отношения лиц не возведены еще на степень юридически определенных начал, они еще не установились окончательно и подвергаются частым изменениям и нарушениям со стороны заинтересованных ими лиц. Не принцип кровного родства, не права отеческой власти, не чувство патриархальной покорности лежат в основании первобытного семейного союза, а одно только право силы. Жених силой добывает себе невесту, силой удерживает ее у себя; родители силой продают свою дочь и т. д. Естественно, что во всех этих отношениях девушка противодействует силе, и в одних случаях благодаря обстоятельствам или хорошим помощникам она берет верх, в других – падает жертвой насилия. И чем дальше развивается патриархальное общество, чем более принципы архаической семьи находят себе поддержку в представителях других соединенных с ней семейств, в религии и праве, тем более порабощается женщина. В первобытной жизни если она и подчиняется, то грубому насилию; в более развитом обществе это насилие превращается в право, а покорность ему – в юридическую обязанность. Но и в эту эпоху, когда стремления женщины к самостоятельности еще довольно сильны и не всегда уступают действию враждебных ей начал, можно уже видеть начатки будущего торжества последних. Жених сильнее невесты, и потому он обращает ее в рабство путем насильственного захвата или покупки; родители сильнее дочери, потому им удастся, наконец, заставить ее беспрекословно повиноваться своей воле. «Волк, бери свою овцу», – говорит мордвин, передавая свою дочь купившему ее жениху, и этой фразой отлично характеризуется и роль невесты, и роль жениха, и невестиных родителей. Даже в том случае, когда девушка успеет взять перевес над расчетом и самовластием родителей, когда она вступает в брак по собственному желанию, то ее отношения к мужу мало-помалу принимают характер рабства; и в браке женщина ведет борьбу с мужчиной, но ее энергия постепенно падает, а сама она превращается в невольницу своего повелителя, превосходящего ее физической силой и имеющего верных пособников в членах своего семейства, которое всегда недружелюбно относится к его жене, похищенной или купленной у чужого, а следовательно, враждебного или, во всяком случае, ненавистного семейства. По мере того как развивается обычай покупки жен, властительские права мужей более и более укрепляются и находят поддержку во всех членах семейства, которое потрачено на покупку невесты. Муж, сознавая свое право собственности на жену, требует от нее беспрекословного повиновения и старается, чтобы она вернула ему, посредством своего труда, заплаченную за нее сумму. Даже в тех странах, где женщины пользуются довольно значительной свободой, но где рядом со свободным браком существует заключение брака посредством покупки

невесты, положение женщин в последнем самое жалкое. Коль скоро факт порабощения женщины начинает считаться правом, то он находит себе поддержку и защиту во всех лицах, имеющих влияние на дела общества, в отцах семей, родоначальниках, жрецах и т. д. С развитием народной религии, в особенности же сословия жрецов, брак получает также и религиозное освящение. У большинства первобытных народов оно состоит в жертвах и в молитве богам о даровании супругам чадородия и богатства; но даже у совершенно диких племен мы находим стремление приноровить религиозно-брачный обряд к поддержанию прав мужа и обязанностей жены. У многих негритянских народов брак заключается перед лицом, которое слывет священным фетишем, чтобы жена, из страха его мести, оставалась покорной и верной своему мужу. Конечно, и эти права и эти религиозные обряды не вовсе обезоруживают женщину и не окончательно превращают ее в тупую, безответную рабыню; но дело в том, что они служат сильным нравственным орудием для интересов мужа, между тем как интересы жены не имеют никакой подобной защиты.

Сделавшись предметом если не дружелюбных, то, во всяком разе, мирных торговых отношений, браки стали сопровождаться пирами, весельем и замирением врагов. Свадьбы служат одним из самых частых проявлений древнего общежития. Но как сходящиеся на них люди были сначала недоверчивы, подозрительны, осторожны – видно из многих частности русских свадебных обычаев: везде видна боязнь волшебных чар, порчи, нападений; всюду выкуп и плата за каждое действие. Свадьба стоит больших издержек, и поэтому в древности у многих народов сходящиеся на нее семьи и роды приносили с собой свою долю и пировали в складчину. У зажиточных же племен, например у древних скандинавов, отец невесты, жених и их родственники соревновались между собой в щедрости и обыкновенно долго спорили, в чьем доме и на чей счет праздновать свадьбу, и каждого из них самолюбие заставляло присваивать исключительно себе честь издержек на брачное пиршество.

И любовь к выдаваемой замуж дочери, и желание обеспечить ее, а главным образом самолюбие родителей рождает обычай награждать невесту приданым. Мало-помалу продажа дочери становится в общественном мнении делом нехорошим и постыдным, не потому, однако, чтобы ее считали безнравственным поступком, а потому, что она служит доказательством бедности родителей или заставляет подозревать их в корыстолюбии. В Индустане племя радж-кумар с издавна избивает большую часть своих дочерей, не имея возможности доставлять им приданого, а бесприданность невесты и позорит ее родителей, и отталкивает от нее женихов. Обычай приданого окончательно развивается только при дальнейших успехах народа в цивилизации, но зачатки его можно видеть и у многих диких народов, например у каффров, туркменов и т. д. Приданое ведет к нерасторжимости брака, так как муж, в случае данного им жене развода, обязан возвратить и все приданое. Это значение приданого превосходно выражается одним обычаем тингиан, туземцев Филиппинских островов. Жених и невеста в день совершения брака приносят с собой известное количество фарфоровой посуды, стеклянных вещей, коралловых ожерелий и золотого порошка. Жених отдает принесенное им родителям невесты, а невеста родителям жениха. По словам самих дикарей, этот обычай введен для воспрепятствования развода, для совершения которого необходимо, чтобы родители того из супругов, который требует развода, возвратили в совершенной целостности все полученные ими вещи, что, при ломкости последних, особенно в дикой жизни, сделать чрезвычайно трудно. Приданое много улучшает положение женщины; жена с приданым чувствует себя и держит гораздо самостоятельнее, чем жена, купленная или похищенная как рабыня. Кроме того, если родители продают девушку, то тем самым отказываются от всех прав на нее и не могут защищать ее от самодурства и притеснений мужа, но если они дают ей приданое, то приобретают нравственное право не только на благодарность и почтение зятя, но и на известное вмешательство в его отношения к их дочери.

У дикарей и жителей мало развитых стран количество жен зависит от степени достаточности мужа, и каждый имеет их столько, сколько может содержать. Некоторые приписывают полигамию влиянию климата на половые инстинкты; но мы сплошь и рядом видим, что из разных народов, живущих в одном климате, у одних господствует моногамия, у других полигамия, что некоторые жители холодного климата живут в многоженстве, между тем как обитатели многих стран теплых держатся моногамии. Климат имеет на полигамию едва ли не одно только посредственное влияние: чем благоприятнее он, тем обильнее и дешевле съестные припасы, тем больше жен в случае надобности может содержать человек. Поэтому-то полигамия гораздо сильнее развита у дикарей юга, чем у жителей холодного севера. Полигамия возрастает по мере культурного развития народа, по мере возникновения у него разнообразной промышленности, особенно земледелия и торговли. И это не потому только, что промышленность доставляет средства содержать многих жен, но главным образом потому, что она требует много рабочих сил, которыми и служат женщины. Полигамия служит основой экономической жизни многих дикарей. Взрослый мужчина, добывший средства, необходимые для содержания нескольких жен, перестает работать и разве только немного занимается скотоводством, грабёжом, воровством или охотой. Все труды лежат на женщинах. И везде эта первобытная полигамия имеет тот же характер, везде является она институцией существенно-аристократической: муж – праздный плантатор, жены – рабыни, изнуряемые трудом и производящие богатство для своего повелителя. Обеспеченная, праздная жизнь усиливает наклонности к сладострастию и тщеславию, женщины делаются предметами чувственного наслаждения, комфорта и роскоши. И в то время как бедняки довольствуются одной женой, люди зажиточные и сильные стараются завести их как можно больше. Известность дикаря зависит от количества его жен и скота. С развитием высших классов полигамия усиливается; они заводят целые толпы жен и наложниц, купленных ими или захваченных на войне. У полудикого короля ашантиев, например, считается постоянно 333 жены; у одного незначительного индустанского князька было несколько сот жен, некоторые зажиточные богосы, ландамасы и ноласы имеют по двести жен и по несколько сот наложниц. Но такая многочисленность жен у диких народов является в виде исключения, и князьки, родоначальники и богачи могут содержать лишь по несколько жен, на островах Южного океана, например, бедность заставляет большинство дикарей жить в моногамии, а короли имеют жен по пяти, десяти, пятнадцати, но не больше. Масса же народа живет по бедности в моногамии, хотя, достигнув известной степени культурного развития, и начинает чувствовать сильную наклонность к многоженству. Вследствие климатических влияний, ранних браков, разнообразных лишений и изнурительного труда первобытная женщина отцветает очень рано; в жарком климате она в 30, даже в 25 лет делается старухой, не способной для работы, негодной для деторождения. Кроме того, беременность и кормление детей грудью отнимает у женщины от 2 до 3 лет, и многие дикари во все это время не имеют со своими женами супружеского сожития. При таких обстоятельствах полигамия становится необходимостью, но бедность мешает большинству удовлетворять этой необходимости, вследствие чего полигамия и принимает особенную форму, очень распространенную и между дикарями, и между бедными жителями культурных земель Востока. Когда жена надоеет мужу или окажется негодной для работы и деторождения, он прогоняет ее и берет другую, делая это так часто, что в течение жизни у него иногда перебивает до полусотни жен. Такая полигамия очень сильна у многих африканцев, индейцев Америки, калмыков и т. д. У многих племен поэтому брак заключается только на определенный, часто очень короткий срок: у некоторых арабов на три дня, у цейлонцев брак *deega* на две недели, по истечении которых он или расторгается, или же возобновляется на столько же времени; на Андаманских островах супруги живут друг с другом только до рождения первого ребенка.

Глава III

Цель патриархального брака – работа и деторождение. Отсутствие у первобытных народов резких половых отличий, романтической любви и ревности. Женщина борется за свою независимость и сохраняет за собой много вольностей. Мужчина употребляет все усилия, чтобы поработить ее. Женщина водворяет моногамию. Участие женщины в общественных делах, в промышленности, религии, медицине

В первобытной жизни семья служит единственной формой общественного союза. Она совершенно необходима человеку не только для брачных и семейных радостей, но также для защиты от врагов, для хозяйства, для экономической самостоятельности. Поэтому в первичную эпоху неженатые люди чрезвычайно редки и брак считается настоятельной необходимостью не только для земной жизни, но и для загробной, в которой холостяки принуждены вести такое же беспомощное, жалкое и бесприютное существование, как и на земле. На этом основании у диких и патриархальных народов возникает брак живых с мертвыми: холостяка-покойника венчают с живой женщиной, которая с этого времени считается его вдовой, а после своей смерти соединится со своим мужем «в месте злачне». Точно так же с умершей девушкой венчают мужчину. Этот обычай был, например, у древних персов. Арабский писатель Массуди говорит, что если у славян мужчина умирал холостым, то его женили после смерти, и женщины охотно обрекали себя на сожжение, чтобы войти в рай с душой мужчины. Малороссы до сих пор верят, что умирающим холостыми нет места на том свете, и поэтому в некоторых местах Малороссии похороны парубков и особенно девушек напоминают свадьбу. По смерти девушки для нее на тот свет назначается жених, который провожает покойницу до могилы и считается зятем в ее семействе. В последнее время первобытный брак живых с покойниками был восстановлен мормонами, этими эклектиками нелепых суеверий всех стран и народов.

Приобретение жены первичный человек считает первостепенной необходимостью, потому, во-первых, что без нее он вовсе не может вести своего хозяйства и достаточно удовлетворять самым обыкновенным житейским потребностям. Жена – прежде всего работница и слуга своего мужа; на ее долю выпадают самые тяжелые и в то же время самые полезные для развития культуры занятия. Поэтому при выборе невесты главнейшее внимание обращается на ее силу и способность к работе. Бечуаны, желая узнать, терпелива ли невеста и годится ли для тяжелой работы, кладут ей в руку добела раскаленное железо и приказывают держать его до тех пор, пока не разрешат от него освободиться. Если девица выдержала эту пытку, то ее признают годной для супружества. Индеец воюет и охотится, а жена его обрабатывает поле, приготовляет пищу, носит дрова и убитую мужем дичь, строит летние и зимние хижины, дублит кожи, делает из них платье и обувь для всего семейства и т. д. У народов пастушеских на женщин падает множество трудов по скотоводству: пастьба стад, доенье и приготовление разных видов молочной пищи, уход за новорожденными животными, стрижка овец и т. д. И чем сложнее промышленность народа, тем хуже положение женщины. Особенно тяжело отзывается на ней развитие земледелия и тесно соединенной с ним оседлой жизни. Земледелие считалось долго занятием недостойным мужчины и поэтому взваливается исключительно на женщин, вместе с постройкой оседлых жилищ, приготовлением посуды и другими хозяйственными работами. Так ведутся дела у всех почти первобытных народов, например, в Африке и Америке. Мужья охотятся, занимаются каким-нибудь легким делом или просто только едят да лежат, а женщины изнывают под тяжестью трудов земледелия, скотоводства и домашнего хозяйства. Иногда переход от кочевой и охотничьей жизни к оседлой и земледельческой бывает для женщин столь убийственным, что через них он губительно действует и на жизнь всего народа. Д-р Тирселен говорит, что все народы Полинезии носят в себе зародыш будущего разрушения, кото-

рое зависит от жалкого положения у них женщины. Когда мужчина был постоянно вооружен, постоянно готов к нападению или к защите, женщина должна была ухаживать за детьми и готовить пищу, которую она отыскивала в воде или в лесу. Теперь мужчины не воюют, а женщины трудятся более чем когда-нибудь. Прежде они собирали папоротник, теперь же таскают картофель, но сперва должны посадить его, обкопать и выполоть, потом выкопать и убрать в амбары; каждый день носят они его в хижину и угощают своих могущественных господ, которые ничего не делают, кроме присмотра за скотом да иногда ловли угрей и маленьких китов, попадающих в залив.

Другая практическая цель брака есть деторождение; женщина берется в семейство не только как рабочее животное, но и для приплода, для рождения других рабочих животных. И женщина в патриархальной жизни ценится, главным образом, за свою физическую силу и за способность размножения. Степень первой узнать легко, степень второй узнается посредством пробных и временных браков или просто внебрачной связи, устрояемой в виде опыта. Если девушка забеременеет, то мужчина оставляет ее своей женой, если же она оказывается бесплодной или неподходящей к его вкусу, то он расходится с ней.

Такие пробные связи были, например, у некоторых племен, входивших в состав древней Мексики, а в настоящее время они в ходу у негров и многих других народов. Случается даже нередко, что мужчина тем более ценит девушку, чем больше у нее любовников и чем чаще она родит детей от них. Бездетная женщина принуждена терпеть горькую участь, муж прогоняет ее на все четыре стороны, презирает ее, никто никогда не захочет взять ее замуж, и она принуждена бывает или умереть с голоду, или идти к кому-нибудь в рабскую работу. Для дикого охотника, для патриархального скотовода или земледельца, для цивилизованного ориентала – для всех их чадородие служит знаком небесного благоволения, а бесплодие – проклятием. Кто будет работать на семейство, кто будет кормить и защищать родителей во время их старости, кто будет приносить за них искупительные жертвы после их смерти, если у них не будет детей? Желание иметь детей, доходящее у этих народов до мании, нельзя объяснить одной только потребностью в потомстве, и одну из не последних причин его нужно искать в слабой способности первобытной женщины к деторождению, вследствие изнуренности ее работами, дурной обстановки и т. д. У индейцев Северной Америки в 1843 году каждая женщина имела средним числом одного ребенка. В Бразилии индианка редко родит больше четырех ребят, а вообще в Южной Америке не лишенная способности чадородия женщина имеет только двоих или троих детей. У лапландцев, тунгусов, арабов – трое, четверо, пятеро детей считаются уже весьма многочисленным потомством. У многих африканских племен – то же самое. Правда, что и в дикой жизни можно встречать примеры замечательного чадородия, но это исключение. Одно рождение ребенка еще не обеспечивает семейства – оно каждую минуту может лишиться его. Дети во множестве погибают от болезней, диких зверей, воруется неприятелями, тонут, убиваются матерями и т. д. Одним из главных средств для избежания несчастья бездетности служит левиратный брак, о котором мы уже говорили, объясняя связь его с полиандрией, и который существует или существовал в Индустане, Палестине, Египте, у арабов, калмыков, негров, индейцев, амурских и уссурийских гольдов и т. д. На этом же основании возникают и другие формы усыновления чужих детей.

Итак, в патриархальной жизни женщина ценится только как работница и чадородная самка; брак поэтому является не результатом любви, а делом простого хозяйственного расчета. О любви, кроме некоторых исключительных случаев, здесь нет и речи. Многие из диких народов отличаются слабостью половой страсти, как например, старинные германцы. Холодность современных дикарей в делах любви свидетельствуется многими путешественниками; Брюс был поражен ей у шангаласов, Левальен – у готтентотов. Ирокезы говорят, что сношения с женщинами ослабляют их силы и храбрость, а потому они должны пользоваться ими умеренно. Но не это сознание в сущности удерживает дикаря от половых излишеств, а сла-

бость возбуждения, происходящая от деятельной его жизни и от незначительности половых различий. Другие дикари под влиянием международных сношений и развратных иностранцев развращены до крайней степени, у них можно встретить на каждом шагу развратные танцы и самый неудержимый цинизм. В том и другом случае мужчина ничего не чувствует к женщине, кроме физического вожделения, не осложняемого ничем в роде увлечений нежностью сердца, музыкой речей, даже красотой лица. Подобных увлечений в первобытной жизни нет и быть не может, потому что вследствие одинаковой жизненной обстановки женщина мало чем отличается тогда от мужчины. Половые отличия развиваются только с цивилизацией, а в первичные эпохи народной жизни мужчины и женщины не только занимаются одними и теми же работами, не только носят платье, почти одинаковое для обоих полов, но и весьма мало отличаются друг от друга своими телесными и психическими свойствами. У дикарей, даже у простонародья цивилизованных стран, голова мужчины и женщины имеет почти одну и ту же физиономию; резких различий в объемах и росте тела, в физической силе и смелости, в тоне голоса, в манерах и житейских привычках также вовсе нет. Непривычный наблюдатель сразу ни за что не отличит какую-нибудь самоедку или патагонку от самоеда или патагонца; конечно, глаз, привыкший к таким физиономиям и формам тела, уловляет в них начатки половых отличий, но последние заметны только у людей нестарых, старики же и старухи походят друг на друга как две капли воды. Женщина у совершенно диких народов даже безобразнее мужчины, так как ее организм подвергается и разрушительному влиянию самых тяжелых работ и болезням, которые выпали на долю одному только женскому полу, и, наконец, варварскому обхождению со стороны мужа. Романтической любви, которая, как увидим ниже, возникает только с полным развитием половых противоположностей, при таких условиях быть не может, и ее нет. Оба пола довольствуются удовлетворением одного только грубого животного инстинкта, и любовь ограничивается чувственным опьянением. Но и это чувственное опьянение возникает только на известной степени развития народа; чистый же дикарь ценит в женщине только силу, усердие к работе, плодовитость и приданое, не обращая никакого внимания на ее красоту и нравственные достоинства. Понятно, что при таких отношениях к женщине мужчина или вовсе не ревнует ее, а если и ревнует, то меньше и иначе, чем это бывает в цивилизованной жизни. Полиандрическая слабость ревности долго еще остается заметной и после падения полиандрии. Женщины ведь не убудет, если она в связи с чужим мужчиной; такая связь, напротив, может принести пользу ее мужу или в виде ребят, рожденных его женой от любовника, или в виде каких-нибудь ценностей, полученных ей от последнего. И мужья сплошь и рядом не только сквозь пальцы смотрят на любовные шашни своих супружниц, но даже сами поощряют их к тому; у многих дикарей домашняя проституция развита очень сильно. И немало есть племен, у которых ни мужчины, ни женщины почти не ревнуют друг друга. Ревность возможна только там, где мужчина имеет законное чувство собственности относительно своей жены. Но в начале патриархального периода женщина еще не побеждена окончательно, еще не снизошла на степень законной принадлежности мужчины. Она пользуется здесь значительной свободой и может отстаивать ее посредством силы, которой она еще не лишилась вследствие изнеженности, и посредством оружия, которым она владеет наравне с мужчиной. Мы уже указывали выше на воинственные образы Брунгильды, амазонок, наших былинных палениц; и история доказывает, что такая воинственность, сила и отвага принадлежала некогда всем диким женщинам. Религия германцев была религией войны, бог и изобретатель которой, Вуотан, окружен девами смерти, валькириями, любящими запах трупов и стоны раненых; накануне больших битв, они, с воинственными песнями, делают ткань из человеческих кишок, вместо челнока им служат стрелы, и кровь ручьями льется на их станок. День битвы – праздник для них; они выбирают себе жертвы между воинами и переносят их в чертоги Вуотана. Когда после разбития тевтонов при Эльби римляне проникли в их лагерь, то навстречу им вышли тевтонские женщины с мечами и секирами и при бешеных криках погнало назад бегущих тевтонов вместе

с их преследователями; первых, как изменников, вторых, как врагов: нападая на римлян, они вырывали их щиты, хватались за острия мечей и дрались до тех пор, пока не падали тяжело раненными и изрубленными в куски.

В лагере кимвров были седовласые, одетые в белое предсказательницы, которые, подходя с мечом в руке к пленникам, венчали их и вели к большому железному котлу, перерезывали им горло и по крови, текшей в котел, предсказывали будущее. Когда при Верцелле кимвры были на голову разбиты римлянами, то их женщины предавали смерти своих бежавших с поля сражения отцов, мужей, братьев и сыновей, а малюток они давили, бросали под колеса телег или под копыта быков и лошадей. Наконец, не желая отдаваться живыми неприятелю, они налапали руки на самих себя; одна из них удавилась на дышле фуры, повесив тут же и детей своих. В войну римлян с херусками, свевами и сигамбрами женщины этих племен дрались до последней возможности и за неимением оружия разбивали оземь головы своих детей, а трупы их бросали в лицо неприятелю. О воинственности женщин других народов древности говорит нам и мифология, и саги об амазонках, основанные, как мы уже говорили выше, на исторической достоверности. Хотя амазонство относится преимущественно к периоду полиандрии и гинейкократии, но воинственность сохраняется женщиной еще долго после падения ее преобладания над мужчиной, в чем нас убеждают и история, и этнографические известия о современных дикарях. Во времена Геродота, например, женщины савроматов ездили верхом, как мужчины, участвовали вместе с последними в охотах и выходили замуж не прежде, как убив одного врага. В настоящее время подобных женщин можно видеть под всеми широтами земного шара. В Дагомее, где мужчины храбры в высшей степени, от них не отстают в этом отношении и женщины, из которых состоит вся королевская гвардия, числом в 5000 человек. У курдов женщины храбры не менее мужчин и воспитание в сыновьях воинственного духа и предприимчивости зависит, главным образом, от матерей. Даже в сонливом Китае, при покорении его манджурами, женщины не только участвовали с такой же ревностью, как и мужчины, в работах по сооружению оборонительных средств страны, но и оказывали примеры замечательной храбрости. А у китайских горцев мяо-тзе женщины ходят так же вооруженными, как и мужчины. Одна из них с отчаянной храбростью защищала крепость против китайских войск в продолжение двух месяцев после того, как был перебит почти весь гарнизон. Женщины этого племени пользуются большой свободой и полным уважением мужчин. Не менее смелы и храбры женщины воинственных племен Индии, сражающиеся нередко наряду с мужьями и участвующие в походах верхом на лошадях. Жены африканцев и индейцев Америки не только поощряют своих мужей во время битв, но и сами участвуют в последних, равно как и в опасных охотах на львов, леопардов и тигров. История арабов также выставляет примеры не только отдельных воинок, но и целых военных отрядов, составленных исключительно из женщин. Так, в войсках Каледа был целый отряд вооруженных всадниц, оказавших огромную услугу при победе над византийской армией под Дамаском в 633 году. У неразвитых народов сила доставляет уважение, на силе основывается всякое право, и поэтому, где женщина воинственна, там она и более уважается и имеет более прав и свободы. Оружие служило женщинам не только к освобождению от мужчин, но и к покорению их. И в патриархальной жизни мужчина тогда только успевает окончательно поработить женщину, когда или лишает ее возможности быть воинственной и владеть оружием, или же когда весь народ, а с ним и женщины, бросив войну, обратится к более мирным занятиям. До тех же пор благодаря своему оружию, храбрости и силе мускулов женщина умеет поддерживать свою независимость от супруга. И не имеем ли мы права предположить, что эта борьба была упорна и повсеместна в те седые времена, о которых вовсе нет исторических свидетельств, в те времена, когда только что начиналось порабощение женщин мужчинами? В периоды, доступные историческому наблюдению, сохраняются еще следы этой борьбы и первобытной женской свободы, даже преобладания женщин над мужчинами, о чем мы привели уже много фактов как из древней, так и из современной жизни. Мы видели выше,

что женщины, уже обращенные в рабство, пользовались обстоятельствами и силой свергали иго своих поработителей, даже оставаясь покоренными, они постоянно прибегали к той же силе для ослабления упомянутого ига. Еще Аристотель с обычной своей проницательностью заметил, что у воинственных народов женщины пользуются не только свободой, но и преобладанием над мужчинами. Это зависит, как уже сказано, и от воинственности самих женщин и еще от того обстоятельства, что при частых отлучках в походы и набеги мужчин все заботы о хозяйстве и даже общественных делах племени остаются, главным образом, на женщинах, развивая в них и чувство самостоятельности и содействуя их экономической независимости. Экономическая самостоятельность и нравственное преобладание женщины, знаменующие собой эпоху гинейкократии, не только долго сохраняются в патриархальной жизни, но вместе с воинственностью женщины и уцелевшими от отцовского погрома остатками материнского права долго еще поддерживают значение женщины в разных сферах общественной жизни. Приведенные нами в первой главе факты из жизни древних и современных дикарей и патриархов вполне подтверждают это. Вместе с тем женщина у очень многих народов пользуется значительной половой свободой, как в девичестве, так и в замужестве, как в выборе себе мужа, так и в разводе с ним. О гаремном заточении женщин, об обращении их в монопольное владение мужей здесь нет и речи. Оба пола нередко сходятся друг с другом на общественных собраниях, и их взаимное обращение, по своей вольности, не только не уступает, но даже превосходит поведение европейцев на шпицбалах и в непотребных домах; танцы многих дикарей до крайности сладострастны и циничны. Брачные обязанности женщины, вследствие слабого развития ревности и непрочности семейной власти, редко хранятся ей во всей их строгости. У некоторых народов, например у мальгашей, островитян Южного океана, индейцев Америки, женщины свободно предаются своей половой страсти, мужья не ревнуют их и смотрят на это сквозь пальцы. У других народов легкое поведение жены заставляет мужа вооружаться против него не менее легким образом. У виннебагцев в Африке муж берет только денежный штраф с соблазнительницы своей жены и отдает ему последнюю в супружество. В Гросс-Баламе неверный муж платит своей жене в виде пени известное количество золотого песка. В Мингрелии соблазнительница женщины платит ее мужу только двух свиней, которых они тотчас же съедают или пропивают в приятельской пирушке вдвоем. Узы брака у многих диких народов еще чрезвычайно слабы, а развод чрезвычайно легок, и это обстоятельство значительно поддерживает свободу женщины. На Золотом Берегу, например, если муж пренебрегает женой или грубо обходится с ней, то последняя имеет полное право оставить его навсегда; она может бросить его даже и без этих побудительных причин, но в таком случае обязана возвратить полученные ей от него подарки. В Сулимане жена всегда может расторгнуть брак, уплативши мужу сумму данного им ее родителям калыма. У каффров и в землях конго она может бросить мужа, если он плохо кормит и одевает или же бьет ее. У американских индейцев супруги могут всегда развестись, если того желает один из них и если нет детей. У бедуинов жена может убежать к своим родителям, и если она, несмотря ни на какие убеждения своего супруга, не хочет вернуться к нему, то он обязан дать ей разводное письмо. На островах Южного океана, у яванцев, абиссинцев и некоторых других народов жена также имеет полную свободу продолжать свое сожитие с мужем или же бросить его. У европейских варваров расторжение брака было также нетрудно. Понятно, что такая легкая расторгимость брака много облегчает положение женщины и в большинстве случаев желательна для нее как средство избавиться от противного или жестокого мужа и перейти в другую, более хорошую обстановку. Но сколько, с одной стороны, женщина выигрывает от легкой расторгимости брака, столько же, с другой, она и проигрывает. Если жена всегда имеет возможность бросить мужа, то муж тем более вправе вытолкать жену вон, когда ему вздумается. Такое изгнание жен по самым незначительным к тому поводам совершается у дикарей сплошь и рядом, не сопровождаясь у одних никакими формальностями, у других – имея определенную форму, показывающую, что это самовластие начи-

нает превращаться в право. Друзы, например, выгоняют своих жен по самым незначительным предложениям. Если жена просит у мужа позволения сходить куда-нибудь и он отвечает ей: «иди», не прибавляя: «но возвращайся назад», то она разведена. У гренландцев этот произвол мужа оформлен более деликатным образом; недовольный своей женой супруг, не вступая с ней ни в какие объяснения, бросает свой шалаш и не возвращается в него до тех пор, пока его не оставит жена. В совершенно дикой жизни положение прогнанной таким образом женщины ужасно: ей предстоит или умереть с голода, или погибнуть от холода и диких зверей, и она счастлива, если какая-нибудь кочующая семья возьмет ее в рабство. Даже в родовом быте, когда люди начинают уже жить не одиночными семействами, а более или менее многочисленными родами, и когда прогнанной мужем жене не грозит гибель в безлюдной пустыне, ее участь бывает часто не менее плачевной, чем и в первом случае. Даром кормить ее никто не будет, и ей все-таки придется идти в рабство; на второе замужество ей рассчитывать трудно, если в стране много женщин, потому что она считается товаром забракованным, и женихи, естественно, смотрят на нее подозрительно; к тому же она не девушка. Правда, что во многих полудиких странах, особенно в странах, ведущих деятельные сношения с другими землями, такие женщины вместе со вдовами и сиротами находят себе занятие: делаются торговками, проститутками, поступают в услужение к путешественникам, уезжают с ними и т. д. Но в большинстве случаев прогнанная мужем жена идет к своим родителям, которые всегда будут тяготиться ее прокормлением, если только не видят возможности выгодно продать ее в брак во второй раз. Родителям неприятен развод их дочери, и естественно, что они более всего претендуют на мужа ее, который мало того, что повергает их таким образом в экономическое затруднение, но еще и оскорбляет их чувство семейной чести. Поэтому изгнание жены мужем всегда ведет к ссорам и нередко к войнам между родом прогнанной жены и родом ее мужа. Борьба эта в результате приводит к тому, что власть мужа изгонять жену ограничивается известными условиями и употребляется только в случае непокорности, неверности, бесплодия жены и т. д., хотя отсутствие государственных порядков, как во всех других отношениях, так и в этом, дает возможность часто нарушать упомянутые ограничения, выработавшиеся в борьбе мужниных и жениных интересов. Вместе с усилиями родителей жен сделать брачные узы более прочными, тому же содействуют и усилия мужей, желающих водвориться единодержавцами в своих жилищах и привести в безусловную покорность всех своих домочадцев. Утверждение мужниного единовластия и признание его авторитета является только результатом продолжительной и ожесточенной борьбы между ним и женой. Женщина борется с мужчиной за свободу своей личности, и эта борьба сопровождается ссорами, драками, резней, убийствами – казусами, которые в дикой жизни случаются гораздо чаще, чем в цивилизованной, где семейство приобретает уже характер священной институции и в нем с покорностью ступеньваются личности его членов. У некоторых африканских народов, например у крусов и конго, супруги ведут такую враждебную жизнь между собой, что смерть одного из них непременно заставляет оставшегося живым оправдываться и очищаться посредством Божьего суда от подозрений в умерщвлении! Из 60 жен одного умершего королевича 31 умерла от яда, выпитого при такой очистительной присяге на ордалии. В Древнем Индустане жены сплошь и рядом умерщвляли своих мужей, выведенные из терпения их деспотизмом. После неуспешных попыток остановить эти мужеубийства посредством жестоких наказаний, брамины ввели, наконец, вдовосожжение. У галлов мужеубийства, в особенности тайные, были обыкновенны. По словам Цезаря, когда умирал какой-нибудь известный глава семейства, то его родственники исследовали причину смерти и при малейших подозрениях в ее насильственности подвергали допросам и пытке как рабов, так и жен покойного. Об австралийках путешественники рассказывают, что они сопротивляются произволу и распоряжениям своих мужей с большим упорством и делают им сцены более шумные и злостные, чем женщины культурных стран. У бедуинов часто случается, что в ссоре родителей принимают участие и дети, причем сыновья в большинстве случаев стоят на стороне матери и

нередко вытуривают своего батюшку из шатра. Эти раздоры бывают так часты, что входят в какую-то странную привычку у дикарей. «Представьте себе кружок пьяных остяков, – говорит очевидец, – сидящих за обедом вокруг котла. Вдруг один из мужчин вскакивает и начинает бить свою жену, таскает ее за волосы по земле, топчет ногами и т. д. Жена не издает никакого стона и только по временам вскрикивает: “Больно, больно!” Устав, остяк снова садится к котлу; жена поднимается и садится тут же. Немного погодя вскакивает жена и начинает ту же операцию над мужем?» Но борьба, на которую указывает множество подобных фактов, сообщаемых наблюдателями дикарской жизни, все более и более склоняется в пользу мужа, по мере того как развивается общество. В изолированной семье женщина может найти помощь в своих детях, и ее противник нередко бывает принужден в таком случае покориться превосходной силе. Но когда семьи соединяются в роды, когда появляется общественная власть, то муж или отец может действовать гораздо успешнее, потому что он имеет помощников не только в родоначальниках, но и во всех соединенных в одно с ним общество мужьях и отцах. Они заставят его взять власть над женой, если бы он даже и не хотел того; по местам эти патриархи даже наказывают мужей за слабое управление их супружницами. Здесь является на сцену такая же общность интересов, какую видим, например, в обществе рабовладельцев, которые враждебно относятся к каждому своему собрату, человеколюбиво управляющему рабами, дозволяющему им своевольничать и подающему этим дурной пример всем другим невольникам, на безусловной покорности и эксплуатации которых основано все плантаторское общество. У древних норманнов мужчина, подчинявшийся своей жене, подвергался общественному осмеянию; у некоторых немецких крестьян до XVI века сохранялся следующий древний обычай: если жена прибила своего мужа, то все мужчины деревни приходили к дому мужа, сбивали конек с его кровли, а жену садили на осла и возили по улицам, «дабы мужья помнили, что они, по заповеди Господа Бога, должны быть владыками и господами». У некоторых племен негров в каждом местечке существует особая полиция, которая тайно следит за поведением женщин и наказывает их за непокорность мужу, за неверность ему и тому подобные проступки; эта полиция носит инквизиционный характер, пуская в ход против женщин и шпионов и пытки, и ордалии, и ужасные наказания. Подобно тому, как для обуздания детей не только в дикой, но даже в цивилизованной жизни взрослые пугают их чертями и другими чудищами, негры-мужчины образуют тайные общества с целью держать женщин в покорности не только страхом наказаний, но и суеверным страхом правосудно-карающего преступниц бога, Мумбо-Юмбо, которым обыкновенно наряжается один из мужчин. Мистерии в честь этого божества совершаются ночью; за несколько дней до его появления в соседних лесах слышится сильный шум, признак, что бог шествует в селение. Все мужчины идут ему навстречу. Одетый в фантастическое платье из древесной коры, сопровождаемый музыкантами, при звуках песен входит он в деревню и поет гимн, особо предназначенный для таких случаев. Здесь со страхом ждут его женщины, составляющие кружок. На несколько времени воцаряется глубокая тишина; Мумбо-Юмбо указывает на тех женщин, которые в течение года чем-нибудь провинились против своих мужей; их немедленно схватывают, и бог собственноручно наказывает их с большей или меньшей жестокостью, смотря по степени их виновности. Подобными-то общими усилиями мужчин и вводятся в жизнь те обычаи, которые лишают женщину всех ее прежних вольностей. У нее отнимается право иметь оружие, и это делается не вследствие только перехода ее к исключительно мирным хозяйственным занятиям, но и для безопасности мужчин. А так как в первобытной жизни жена сплошь и рядом убегает от своего мужа, то и против этого принимаются предупредительные, ограничительные меры. У некоторых индейцев, например, жена не имеет права не только ездить верхом на лошади, но даже надевать на нее узду – ясно, что этот обычай ввелся в видах предупреждения женских побегов, равно как и обычай калмыков, в силу которого жена в первые два года после замужества не имеет права посещать своих родителей. Таким образом, с постепенным развитием общественной жизни крепнет власть мужа,

его сила переходит в право. Мало-помалу жена делается законной собственностью мужа, который может продавать, дарить, убивать ее, а на островах Фиджи он имеет право зарезать ее как скотину и съесть. Австралиец отмечает свою жену выворачиванием суставов на ее пальцах и выколачиванием передних зубов, словно клеймит скотину. Бедуин часто обращается с женой как с вьючным животным и колотит ее за каждую малость. Один бедуин забил жену свою до смерти за то только, что она без позволения взяла его ножик. И родовой суд решил, что муж всегда имеет право убить свою непокорную жену.

Калмык на совершенно законном основании умерщвляет жену при малейшем подозрении в ее неверности, но у жены, убившей супруга, обрезают нос и уши, и она продается как рабыня. Индейцы пользуются также абсолютной властью над жизнью и смертью своих жен. У австралийцев многие женщины постоянно ходят в синяках и ранах от мужниных побоев, а девушки, из страха мужа, нередко предпочитают здесь самоубийство браку. Притом же муж имеет право отдавать свою жену в кортом, продавать ее для разврата каждому встречному, и, случается, что дикий пьяница уступает ее навсегда за стакан водки. У большинства диких народов жена считается даже вечной рабыней мужа, обязанной служить ему, как в сей жизни, так и в будущей. На этом основано встречаемое у многих диких племен погребение или сожжение вдов с трупами их мужей, чтобы они вступили вместе в загробные обители. Этот обычай мы видим у африканцев, американцев, древних нормандцев, славян и т. д. Нужно заметить, что такое обыкновение убивать овдовевших женщин нередко находило в последних полное сочувствие. Положение вдовы у первичных народов так невыносимо, что смерть кажется ей лучшим исходом, чем жизнь без защитника и кормильца мужа; и где вдов не сжигают, там они нередко сами убивают себя, подкрепляясь верой, что соединившись за гробом с супругами, они получают награду за свое самопожертвование. Вместе с развитием мужниных прав и половой противоположности, усиливается и чувство ревности – один из главнейших источников семейных страданий женщины. У полудиких народов ревность нередко бывает сильнее и нелепее, чем даже в цивилизованных странах Востока. В Кацембе, например, жены, которых выбирает себе государь, под пыткой допрашиваются, не любили ли они до этого брака с мужчинами, и с какими именно; открытые таким образом любовники предаются смерти. Каждый мужчина, увидевший жену своего государя, подлежит жестокому увечному наказанию. Северные индейцы нередко бывают также чрезвычайно ревнивы; сильно подозреваемую или уличенную в прелюбодеянии жену индеец наказывает палками, откусывает ей нос и прогоняет. Соблазн замужней женщины у индейцев, как и у других дикарей, иногда порождает ожесточенную племенную вражду и войны. У бечуанов и конго, новозеландцев и многих других народов прелюбодеяние наказывается смертью; черкес имеет полное право убить свою неверную жену или, отрезав ей нос и уши, обрив голову, отослать ее к ее родителям. Если араб убеждает отца или брата своей жены в неверности ее, то последние, не задумываясь, перерезывают ей горло. Прелюбодеи, соблазняющие жен, отделяются большей частью штрафом, а у некоторые, кроме того, обязываются жениться на соблазненной или перемениться с оскорбленным мужем женами. На Алеутских островах муж, поймавший любовника у своей жены, принуждает его к поединку с собой, и победитель берет себе женщину, бывшую предметом раздора. При введении наказаний за супружескую неверность жены у некоторых народов стараются удержать и за собой то же карательное право над мужьями, какое последние имеют над ними. На Ладронских островах, где, как мы видели выше, царили некогда полиандрия и гинейкократия, муж хотя и имеет право убить любовника своей жены, но ей самой не должен причинять никакого зла. Если же мужчина сблудит, то узнавшая о том жена собирает всех женщин соседства, которые с яростью разоряют его сад, разрушают его хижину, и если находят самого виновника, то подвергают его жестоким побоям. Такие права женщина сохраняет в патриархальной жизни недолго, и почти у всех нецивилизованных народов за прелюбодеяние отвечают только жены и их любовники, а отнюдь не мужья, имеющее право сколько угодно изменять своим брачным

обязанностям и подвергать своих супружниц за такую измену каким угодно наказаниям. Но даже при такой строгости диких законов ей подлежат сплошь и рядом одни только замужние женщины, между тем как девушки пользуются полной половой свободой. По мере же того, как мужчины желают иметь женами невинных девушек, строгость ревнивых обычаев распространяется и на девушек, родители которых принуждены бывают стеречь их невинность, чтобы скорее и выгоднее найти им женихов-покупателей. Эта бдительность о невинности женщин принимает иногда чудовищный, варварский характер. У горцев Кавказа на девушку надевается кожаный пояс целомудрия, и его снимает, разрезая своим кинжалом, только жених ее, в первую брачную ночь. В восточной Африке, задней Индии и на Малайских островах девушек подвергают еще большим пыткам. У многих племен Африки женские члены режутся, перекраиваются, перешиваются сообразно со вкусами и физическими свойствами ее мужа. В Сеннааре, например, membrum девочки зашивается и проход сращивается так, что остается только небольшое отверстие для естественных выделений. Перед свадьбой сращенную часть разрезают. В Кордофоне поступают точно так же, разрезаемое отверстие делается больше или меньше, смотря по потребностям мужа. При родинах делается большой разрез, а после них края отверстия снова сращиваются, и родильницы таким образом переходят в состояние, равнозначительное девственности!..

Чем более мужчина утверждает и расширяет свою власть над женщиной, тем более последняя падает в его мнению и делается существом отверженным, как чужестранка и непослушная рабыня. Известные физиологические выделения заставляют считать женщину существом нечистым, поганым. У большинства народов родины считаются осквернительными, и родильницу переводят в особое помещение. Некоторые дикари даже не спят с женами на одной постели, чтобы не опоганиться. При таком презрении к слабому полу муж делается прототипом восточного деспота, а жена – прототипом отверженной касты париев. В Фету, в Африке, каждое утро все жены являются к постели своего мужа, приветствуют, церемониально одевают и моют его как какого-нибудь короля, а затем расходятся. У некоторых народов при заключении брака муж, в знак подчиненности жены, дает ей плюху, бьет ее плетью или заставляет, на коленях стоя, разувать его; последний обычай в ходу между финскими инородцами и, вероятно, от них перенят русскими. У некоторых народов жена не смеет даже сидеть в присутствии мужа без его позволения; а у диких арабов женщина должна унижаться не только перед своим мужем, но и перед каждым чужим мужчиной, при встрече с которым, например, она обязана сходить с верблюда и кланяться. В Видаге негритянки должны преклонять колена и целовать прах – жены перед мужьями, а дочери перед отцами или старшими братьями. Низведенная таким образом на степень животного, принадлежащего мужу, женщина может быть не только убиваема, дарима, продаваема им, но подобно всякой собственности она делается предметом наследования его родственников. Левиратный брак, столь распространенный между нецивилизованными племенами и служащий остатком древней полиандрии, служит одной из наименее возмутительных форм этого наследования, которое доходит до того, что у мпонго, например, сын обязан жениться на вдовах своего отца. Но даже у тех народов, которые успели, по-видимому, совершенно поработить женщин, последние никогда не примиряются окончательно со своим рабским положением. Их реакция проявляется главным образом в болезненной сварливости характера, в семейных сценах, руготне и драках с мужьями, главным же оружием для защиты и нападения ей служит язык. Клаппертон замечает, что никакая власть в мире, даже африканский деспотизм, не в состоянии принудить к молчанию дикарку, особенно разозленную. И не одним языком действует угнетенная женщина, а нередко также ядом и ножом. Бегство от мужа служит ей также одним из главных средств в освобождении из семейной неволи. У негров, индейцев, калмыков, полинезийцев, финских племен жена бежит, большей частью, к родителям и почти всегда муж возвращает ее или сам посредством силы, или ее выдают ему родители во избежание раздоров. Иногда, впрочем, такие беглянки успевают освободиться от

своих супругов, отдаваясь под покровительство каких-нибудь посторонних людей, например европейских моряков. Случается даже, что женщины вооружаются против своих мужей и действуют заодно с их врагами. Наконец, у многих народов женщина так живо чувствует невыносимую тяжесть своего положения, что прибегает к самоубийству гораздо чаще, чем мужчина, между тем как в цивилизованной жизни – несравненно реже последнего. Австралийские девушки нередко убиваются из одного только страха замужней жизни. У индейцев мужчины очень редко накладывают на себя руки, а девушки, боясь брака, часто вешаются на деревьях, убиваются, бросаясь со скал, топятя в реке или море. Замужние женщины индейцев убивают себя так же гораздо чаще мужчин и истребляют во множестве своих малолетних дочерей, желая, из любви к ним, избавить их от той ужасной судьбы, которая выпадает на долю замужней женщины. Оправдывая сильную распространенность такого детоубийства, индианка на Ориноко говорила одному миссионеру: «Ах, как я жалею, что моя мать не убила меня и тем не избавила от множества страданий, которым я подвергаюсь в жизни. Посмотри, отец, на наше плачевное положение – наши мужья уходят на охоту, и мы тащимся за ними, держа одного ребенка у груди, а другого в корзине. Вернувшись крайне истомленными, мы не можем уснуть в течение целой ночи и приготовляем ужин для мужей; они напиваются, бьют нас, таскают за волосы, топчут ногами... Проведя лет двадцать в таком рабстве, что же мы получаем в награду? Муж берет молодую жену, которая начинает угнетать нас и наших детей...»

Оскорбляемая и угнетаемая, жена находит только некоторую поддержку в своих кровных родственниках; нередко они упрощают мужа или, при своей авторитетности, строго внушают ему относиться к их дочери человеколюбивее; неправильно прогнанная мужем жена может найти у своих родителей и защиту, и мстителей за ее бесчестие, может, при их помощи, заставить мужа снова принять ее. У черкесов, если муж убьет или продаст свою жену, то подвергается мщению со стороны ее родственников, равно как и в том случае, если он прогонит ее от себя без основательной причины и даст ей развод. Обычай приданого также много облегчает положение женщины; с тем вместе развивается у некоторых народов другой обычай, в силу которого прежняя плата за невесту переходит в так называемый утренний подарок (*morgengabe*) и поступает в исключительную собственность новобрачной, а не ее родителей. При подобных столкновениях деспотических притязаний мужа, с одной стороны, а с другой, стремлений жены к самостоятельности при помощи ее рода, в некоторых странах удерживается навсегда свободная форма брачного союза, которая существовала везде в период материнского права и которая, упрочившись в юриспруденции Рима, служила здесь одним из главных способов женской эмансипации. У негров наряду с браком, заключаемым посредством купли-продажи невесты, есть другая форма брака, при которой жена, вместе со своими детьми, принадлежит не мужу, а семейству своих родителей. Жених платит родителям невесты утренний дар, возвращаемый ему в случае развода или смерти жены. Если же умирает наперед муж, то жена переходит к его наследникам, а не к своему семейству. Часто родители задалживаются у мужа своей дочери, и она поэтому делается такой же рабыней его, как и жена, приобретенная путем купли. У малайцев, даже при покупной форме брака, родители невесты вынуждают жениха не доплачивать за нее известной части условленной цены, чтобы он не мог считать жены своею полною собственностью. В так называемом малайском браке семандо жених делает невесте подарок, а она устраивает на свой счет брачный пир; супруги вследствие этого совершенно равноправны, как относительно детей своих, так и движимого имущества; в случае развода дом остается жене, а дети поступают к тому из родителей, к которому пожелают сами. Иногда эта брачная независимость жены доходит до полного преобладания над мужем. У негров конго, например, принцессы сами выбирают себе мужей из людей богатых, эксплуатируют их и прогоняют, когда вздумается. Эти мужья состоят обыкновенно под стражей и много терпят от своих ревнивых жен. Случается даже, что их хоронят живыми вместе с их умершими супружницами.

Эти формы свободного брака развились, конечно, благодаря стремлениям жены к самостоятельности, но, как показывает самое содержание их, они могли возникнуть и утвердиться в народной жизни только при деятельной помощи, оказанной в этом деле жене ее кровными родственниками. Другая важная реформа семейного быта – развитие моногамии, должна быть приписана почти исключительно усилиям женщины. При всем том, что полигамия облегчает тяжесть трудов, лежащих на жене, при всем отсутствии у дикарок любви и ревности к своему мужу, они открыто выказывают свое недовольство многоженством или, взвешивая благоприятные для женщины шансы полигамии и моногамии, сильно сомневаются в достоинстве первой, или же с восторгом хвалят последнюю. Путешественники свидетельствуют, что в глуши первобытных лесов, в шалашах самых зверообразных дикарей их жены волнуются этими вопросами, на которые они наталкиваются своей несчастной жизнью. Несколько жен в одном доме редко уживаются мирно; каждая хочет командовать другими и быть первой женой. Во избежание этого, многие полигамисты помещают каждую жену в отдельном здании, и эти хижины располагаются иногда как можно дальше одна от другой, во избежание женских стычек. По мере развития в народе половой любви и ревности, междуособие жен принимает более и более ожесточенный характер. В конце концов, эта борьба везде кончается тем, что более сильная, более хитрая или больше любимая супругом жена берет перевес над другими, делается главной женой, а остальные нередко становятся к ней в отношении рабынь и по местам называются даже не женами, а только наложницами. Такой переход к моногамии мы видим почти у всех многоженцев – у негров, индейцев, татар и т. д. Разнообразны способы, которыми женщина постепенно возвышала мужчин до моногамии и тем производила один из радикальнейших и полезнейших переворотов в человеческом обществе. В упомянутом нами переходе к единоженству мы замечаем две ступени: на первой, главная жена берет перевес над другими как хозяйка, и муж облакает ее правом главенства, ради водворения в доме хозяйственного порядка и мира. Но еще в дикой жизни женщина начинает развивать в себе свои половые отличия от мужчины: обзаводится разными украшениями, заботится о красоте своего тела, и в то же время особенности ее житейской обстановки вместе с особенностями ее организма порождают в ней большую чувствительность и большую способность к сердечной привязанности, чем какими обладает мужчина. С помощью этих средств женщина, даже в дикой жизни, возбуждает иногда в мужчине такую страстную, романтическую любовь к себе, что он, обладая избранницей сердца, не хочет и думать о других женах. Такая моногамия встречается у дикарей, хотя и редко.

Выше мы уже говорили об услугах женщины, оказанных ею развитию культуры в эпоху гинейкокрации. После своего порабощения патриархальному семейству, в качестве хозяйки и работницы, она продолжает действовать в том же направлении, поддерживая и развивая разные отрасли патриархального хозяйства и первоначальных искусств. Она создала или развила не только ремесла: гончарное, портняжное, кухонное, выделку и окраску материй, разные нарядные украшения, приготовление кож и обуви и т. д., но также вынесла на своих многострадальных плечах и воспитала искусства строить жилища и обрабатывать землю. Она была матерью и кормилицей всей материальной культуры человечества, и натурные народы, сознавая эти заслуги ее, чттили ее в лице своих великих богинь, дарующих плодородие и счастье, изобретших земледелие, покровительствующих всем отраслям материальной цивилизации, изобретательницами которой были они сами. Впрочем, эти патриархальные верования в богинь устроительниц человеческого счастья являются в патриархальном быте только остатками первичного религиозного мирозерцания, в котором, как мы видели, женский элемент играл такую важную роль. И по мере развития патриархального общества значение упомянутых богинь постепенно слабеет соразмерно тому, как и женщина, облегчаясь от своего ига работы и передавая значительную часть ее рабам, теряет даже значение работящей машины, запирается в гарем, обрекается на отупляющую, скучную праздность и содержится только для половой забавы своего властелина.

Мы уже говорили выше об участии женщины в делах войны. Мы видели и увидим еще не раз, что женщины часто принимали в войнах самое деятельное и влиятельное участие. Но оттесненная мужчиной от общественной жизни, лишенная, как рабыня, прав на употребление оружия, женщина начинает служить делу мира и противодействовать насилиям войны. Посредством мирных браков она водворяет согласие и даже дружбу между родами, до тех пор постоянно воевавшими друг с другом. Ее вмешательство как в частные распри ее родичей, так и в неприязненные столкновения разных племен в большинстве случаев бывает так миротворно и благотельно для людей, что древние германцы с уважением называли ее «ткущей мир». Эта деятельность женщины, как примирительницы, очень разнообразна. У диких народов примирение рассорившихся и даже разодранных мужчин совершается сплошь и рядом не иначе, как при помощи женщин. На пирушках индейцев их жены обыкновенно не пьют водки, для того чтобы быть в состоянии примирить мужчин, попойка которых обыкновенно кончается дракою. У черкесов, если женщина бросается между двумя сражающимися врагами, то битва тотчас прекращается. Такую же роль часто играют женщины и при международных столкновениях. У жителей Феццана дипломатия служит даже женской специальностью, мир между враждующими сторонами заключается здесь женами вождей, и женский голос всегда может остановить руку феццана, готового поразить своего врага. Женщины примиряют даже победителей и побежденных, по возможности сливая их в один народ. «Мы видим, – говорит Клемм, – что женщина примиряет расу завоевателей с расой побежденных», в Западной Африке, например, на островах Южного океана, в Древнем Египте и т. д. Наконец, у многих народов женщина милует преступника и примиряет с ним общество. У древних славян приговоренный к смерти преступник избавлялся от нее, если его прикрывала своим подолом женщина. Если виноватый в чем-нибудь черкес успевает пробраться в жилище женщины и прикоснуться ее руки или груди, то он становится неприкосновенным на все время пребывания у этой женщины. В присутствии черкешенки не может быть совершаемо никакое наказание и должно умолкнуть всякое чувство родовой мести. Вообще дикарки отличаются сострадательностью ко всем несчастным, часто даже к врагам своих мужей. «Во всех моих путешествиях и несчастиях, – говорит Мунго-Парк, – я находил в женщинах нежность и сострадательность, каких нет в мужчинах». Таким образом, не одним только материальным трудом своим, а также водворением мира, развитием в людях чувств любви, дружбы, сострадательности женщина содействовала возникновению и развитию культуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.